

Mary Swamp

**ГОТОВ СЛЕДОВАТЬ
ЗА ТОБОЙ**

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Mary Swamp

Готов следовать за тобой

«Автор»

2026

Swamp M.

Готов следовать за тобой / М. Swamp — «Автор», 2026

Она поет о страсти и любви, хотя ведет образ жизни затворницы. Он поет о любви к одной единственной, не пропуская ни одной юбки.

© Swamp M., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Второе место	5
Глава 2 «Полночь»	10
Глава 3. «Полночь» часть 2	14
Глава 4. «Полночь» часть 3	18
Глава 5. Возможно ли чудо?	22
Глава 6. Десять тысяч метров	25
Глава 7. Плохая шутка	30
Глава 8. «Все класс»	36
Глава 9. Прогон	41
Глава 10. Снегопад	46
Глава 11. Напряжение	52
Глава 12. Конкуренция	58
Глава 13. Подарок	64
Глава 14. Ее история	74
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Mary Swamp

Готов следовать за тобой

Не столь многое мучит нас, сколь многое пугает, и воображение, мой Луцилий, доставляет нам больше страданий, чем действительность.

Сенека

Глава 1. Второе место

Последняя нота «Сирены» растворилась в оглушительных аплодисментах. Зал, залитый неоновым светом, гудел, выкрикивая ее имя. Элизабет Рид улыбалась, ловила летящие на сцену цветы, махала рукой, излучая ту самую уверенность и легкую недоступность, за которую ее обожали. Внутри же все было сжато словно в пружину. Она знала, что он где-то здесь. И его взгляд, как всегда, будет буравить ее спину, оценивать, насмехаться.

«Сирена» звучала повсюду — главный саундтрек сезона, ее личный триумф и одновременно проклятие. Песня о всепоглощающей, удушающей страсти, которую она написала в одну бессонную ночь, когда фантазии стали слишком яркими, а одиночество — слишком острым. Теперь эти слова пели тысячи, не подозревая, что их авторша уже почти три года живет лишь воображением и скупает батарейки для вибраторов оптом.

После обязательных фото с фанатами и короткого интервью Элизабет, скинув блестящий пиджак, осталась в коротком черном платье и направилась вглубь особняка, где проходила вечеринка Spark Label inc.

Музыка гремела, воздух был тяжелый от духов, алкоголя и пота. И сквозь толпу она снова поймала его взгляд. Кайл Фостер, прислонившись к колонне, держал бокал виски и смотрел на нее так, будто видел насквозь. Его новый хит «Люблю ли я?», истерично игравший с каждого угла, занимал лидерство в чартах. Ее «Сирена» была следующей.

Ей нужно было передохнуть. Хотя бы на минуту. Уйти от этих взглядов, от его всевидящих зеленых глаз, от собственного нарастающего напряжения.

Дамская комната была тихим оазисом в эпицентре хаоса. Элизабет включила воду и сунула руки под ледяные струи, закрыв глаза. Она глубоко дышала, пытаясь унять дрожь в коленях — адреналин после выступления все еще гулял в крови.

И тут дверь с шумом распахнулась.

В комнату влетели они. Кайл и какая-то высокая брюнетка в обтягивающем красном платье. Они целовались, даже не заметив ее. Девушка тянула Кайла за воротник рубашки к себе, прижимаясь всем телом, а его руки скользили по бедрам, задирая юбку. Но его глаза, были прикованы не к страстной красотке, а к Элизабет, замершей у раковины.

Время застыло. Звук поцелуев, тяжелое дыхание, журчание воды из-под ее пальцев. Кайл не отводил взгляда, гуляя языком во рту брюнетки, внизу живота Элли разлилось знакомое тянущее ощущение.

Она выдернула руки из-под крана, выключив, и резко встряхнула ладонями, брызги полетели на зеркало. Прошла мимо них, не глядя.

— Уединитесь, если уж так невтерпеж, — бросила она через плечо, на выходе.

За дверью немного задержалась, прислонившись лбом к прохладной стене. Изнутри раздался приглушенный стон. Женский, страстный, нетерпеливый. Элизабет поджала губы.

«Стою и слушаю, как какая-то извращенка. Черт», — мысленно выругалась она. Но почему-то тело, откликалось на этот «саундтрек» сладкой тяжестью и пульсацией там, где не следовало бы.

Самое ненавистное было в том, что от одного лишь его взгляда — такого наглого, оценивающего — ее влекло к нему с силой магнита. Фостер был ее тайной, самой постыдной фантазией. И этот двухлетний (а то и больше) внутренний роман нужно заканчивать. Нужно исправлять это дурацкое «недоразумение» — три года без мужских рук, без настоящего секса. Ее клипы были откровеннее, чем ее жизнь.

К бару Элизабет подошла с каменным лицом.

— Воду со льдом, — попросила бармена.

Пока тот наливал, она достала телефон. Открыла чарты. Яркая цифра «2» рядом с «Сиреной». И вверху — цифра «1» с ухмыляющейся аватаркой Кайла и его «Люблю ли я?». Ирония кольнула острее ножа. Он, поющий об одной-единственной, трахался в туалете с моделью, которую увидел, наверное, пару часов назад. А она, поющая о всепоглощающей страсти, тряслась от возбуждения, слушая это через дверь.

Из туалета вышла брюнетка. Лицо покрасневшее, юбка слегка помята. Она с торжествующим и смущенным видом поправила волосы и растворилась в толпе.

«Блять, у всех вокруг есть личная жизнь. Что со мной не так? — думала Элизабет, отхлебывая ледяную воду. — Почему нельзя просто взять и потрахаться в туалете? Что меня держит? Страх? Гордость? Идиотизм?»

Ее самокопание прервало знакомое присутствие. Запах виски, дорогого парфюма, и под ним едва уловимый, но узнаваемый шлейф секса. Теплые руки скользнули на талию прижав ее спину к горячей груди

— Обо мне думаешь, Рид? — прошептал Кайл губами у самого ее уха. Голос был низким, хриловатым от недавней активности.

Она не дрогнула, сделав еще один глоток.

— Прикасаюсь ко мне будешь только тогда, когда принесешь справку от венеролога. О том, что здоров.

Он рассмеялся, и грудь вибрировала у нее за спиной.

— А, то есть тебя останавливает только отсутствие справки? — он отпустил ее, позволив развернуться к нему лицом.

Элизабет встретила его насмешливый взгляд.

— Не только.

Он стоял, слегка растрепанный, рубашка выбилась из-под пояса брюк. Выглядел чертовски самодовольным и привлекательным.

— Ну конечно, — протянул он. — Ты же эксперт в теории. Начиталась порнороманов, представила и напела, а на практике... тишина.

Его слова жгли, потому что были близки к правде. Но ответить она не успела. В сумочке зазвонил телефон, на экране загорелась надпись «Нат» — спасение.

Отвернувшись от Кайла, она достала телефон и ответила.

— Привет, — проворковала, тон ее голоса мгновенно изменился, стал мягче и теплее.

Она слушала, глядя в стену, чувствуя на себе взгляд Кайла.

— Все прошло хорошо, устала только, — сказала она после паузы. И добавила тише: — Постараюсь не задерживаться.

Еще одна пауза. В уголке ее губ дрогнула неуловимая улыбка.

— Да, я тебя тоже, — ответила тихо и положила трубку.

Когда Элизабет обернулась, выражение лица Кайла изменилось. Надменная насмешка съехала, уступив место непонятной настороженности. Он услышал мужской, низкий голос из трубки.

— Значит, практика в твоей жизни все-таки присутствует? — процедил он, сузив глаза.

В его голосе прозвучало что-то новое. Не обычное дразнение, а почти что... раздражение.

Элизабет сунула телефон в сумочку и подняла подбородок.

— Это не твое дело, Фостер.

Не оглядываясь, она направилась к выходу, оставляя его одного у барной стойки, с его первым местом в чарте и внезапно испорченным настроением. Элизабет шла, чувствуя, как

его взгляд прожигает ей спину, и впервые за долгое время на ее лице играла легкая, почти невидимая улыбка. Маленькая, но победа.

Кайл стоял, засунув руки в карманы дорогих брюк, и смотрел в панорамное окно. Внизу, под светом фонаря, Элизабет ловко скользнула в салон такси. Машина тронулась и растворилась в потоке огней ночного Лос-Анджелеса. На стекле отражалось его собственное хмурое лицо.

К плечу прикоснулась тяжелая рука.

— Эй, а где твоя горячая брюнетка? — раздался веселый голос Марка. — Я думал, она тебя прям на танцполе разденет.

Кайл не повернулся.

— Не знаю. Мы... разделились, — пробурчал он, не отрывая взгляда от пустой улицы, сжимая в кармане ключи от машины. — А у Элизабет... кто-то есть, не в курсе?

Марк прислонился к стене рядом, доставая пачку сигарет.

— Элли? Сомневаюсь. Ну, либо она его так хорошо прячет, что даже слухи не просачиваются. Она мастер конспирации, — он усмехнулся, предлагая сигарету. Кайл молча отказался кивком.

— Ей звонил парень, — выдавил из себя Кайл, наконец повернувшись к другу. В глазах горел неприкрытый раздрай. — И она говорила... «Я тебя тоже», — он передразнил ее мягкий, теплый тон, повысив голос в насмешке, в которой сквозила злость.

Марк, выпустив струйку дыма, пожал плечами.

— Может, старший брат? Я слышал, у нее есть родственник. Где-то на востоке.

— В первом часу ночи брат звонить не будет, — отрезал Кайл. — И таким голосом, Марк... С братьями так не разговаривают. Это что-то другое. Личное.

Марк посмотрел на него с нарастающим недоумением.

— Брат не брат, какая тебе, собственно, разница? Ты же с ней только в чартах воюешь да в туалетах подкалываешь.

— Разница в том, — Кайл шагнул к нему ближе, и его низкий голос стал тише, опаснее, — что я не люблю, когда к тому, что принадлежит мне, прикасаются другие.

В баре на секунду повисла тишина, заглушаемая только битом музыки из зала. Потом Марк громко расхохотался, хлопнув себя по бедру.

— Друг, ты видимо совсем перебрал. Она тебе никогда не принадлежала. Ни разу. Вы даже не целовались, насколько мне известно.

Кайл отвернулся, снова уставившись в окно, где уже не было и следа такси.

— Ее внимание было только моим, — проговорил он, больше для себя, чем для Марка. — Последние годы. А сейчас она отвлекается на какие-то... ненужные вещи.

— Ох, — протянул Марк, затушив сигарету. — Похоже, это серьезно. Кайл Фостер, король одноразовых романов, ревнует девушку, с которой обменивается колкостями. Мир определенно перевернулся. Иди выпей кофе, протрезвей. А я пойду найду Лору, пока она не подумала, что я тоже увлекся самоанализом.

Марк хлопнул Кайла по плечу и скрылся в толпе, оставив одного. Кайл не двигался. В отражении в стекле его взгляд был темным и беспокойным. Он снова достал телефон, бегло глянул на первое место в чарте. Победное чувство было уже не таким сладким. Оно было отравлено тремя простыми словами, сказанными нежным голосом: *«Я тебя тоже»*

Глава 2 «Полночь»

Дверь квартиры закрылась за ней с тихим шелчком. Элизабет, скинув туфли, прошла босиком в спальню, включила мягкий свет. На кровати вальяжно растянулся черный кот с глазами цвета морской капусты.

— Демон, ты меня ждал? — устало улыбнулась она.

Кот в ответ лишь высокомерно зевнул, демонстрируя острые клыки.

Рядом с гардеробом стоял открытый чемодан. Элизабет вздохнула и принялась аккуратно складывать вещи для поездки: легкие платья, купальники, ту самую шелковую ночнушку, цвета пыльной розы, для съёмок. Она погрузилась в рутину сборов, пытаясь вытеснить из головы картину с Кайлом в туалете и собственное дурацкое возбуждение.

Демон, наблюдавший за процессом с подушки, внезапно встал, грациозно спустился на пол и запрыгнул прямо на аккуратную стопку футболок.

— Демон! — строго сказала Элизабет.

Кот уставился на нее, его зеленые глаза выражали непоколебимое право на любое действие в пределах этой квартиры. И вдруг он жалобно замяукал.

Элизабет не выдержала и рассмеялась.

— Я знаю, солнышко, — сказала подходя и беря его на руки. — Но маме придется уехать. Марго присмотрит за тобой, пока меня не будет.

Кот недовольно фыркнул, уткнувшись холодным носом ей в подбородок. Она прижала его к себе, почесывая сначала шею, а потом за ушком. Через мгновение в руках зазвучал маленький, живой, пушистый моторчик.

— Вот так, мой чертёнок, нравится за ушком, да? — прошептала она.

Демон одобрительно мяукнул, зажмурившись от удовольствия. Она постояла так еще минуту, вдыхая запах кошачьей шерсти, чувствуя, как напряжение медленно покидает плечи, и осторожно опустила его на кровать.

— Ну все, мне надо собираться.

Кот, слегка обиженный, что его оторвали от источника ласки, улегся на свое место, следя за ней глазами-щелками.

Час спустя чемодан был готов. Элизабет приняла душ, смывая с себя остатки сцены, вечеринки и липкого чувства ревности, которое она сама себе не позволяла признать. Лежа в постели, прокручивала в голове сценарий клипа «Полночь». Песня была томной, уверенной, полной обещаний. Ей предстояло одной на огромной кровати, в полумраке, соблазнять невидимого зрителя. Прямо как в ее жизни — все для публики, все на виду, и никого за кадром.

Она потянулась к телефону. На экране не было новых сообщений. Только запись о звонке Ната, который закончился его привычным «Я люблю тебя, малышка». Она улыбнулась и выключила свет.

Утро в студии Spark Label inc начиналось рано. Кайл Фостер вошел в репетиционную ровно в десять. Пустое помещение со звукоизоляцией и профессиональной аппаратурой было его территорией на ближайшие два часа. Звуковик включил минусовку, и зазвучали первые аккорды его трека «Хочу следовать за тобой» — бодрого, ритмичного, с текстом о вечной преданности одной женщине, которая рушит его репутацию, но он готов следовать за ней.

Он пел, притопывая в ритм ногой, вкладывая в звук привычную харизму, но мыслями был далеко. В голове упрямо звучал ее голос по телефону: «*Я тебя тоже*».

Он снова погрузился в музыку, пытаясь вытеснить навязчивые мысли. Их странные, годами длящиеся отношения-игры были построены на балансе. На ее холодной отстраненности, которая бросала ему вызов. На его наглых уколах, которые задевали ее, но не ранили. На их тайном, ни в чем не признанном соревновании, которое было важнее любых чартов. И этот баланс сейчас пошатнулся. Появился кто-то третий. Кто-то, кому она говорила теплые слова в первом часу ночи.

Он взглянул на часы. Без пянадцати двенадцать. Почти время их ежедневного ритуала. Она обычно приходила заранее, чтобы бросить какую-нибудь колкость о его «лицемерных балладах» или «предсказуемом припеве». Он всегда ждал этих пятнадцати минут.

Но дверь открылась не в 11:45. Она распахнулась без пяти двенадцать, и на пороге появился незнакомый парень в модной толстовке и с наушниками на шее.

— Привет, я Билли, — неуверенно улыбнулся новичок. — Мне сказали, что с двенадцати мое время.

Кайл резко сорвал наушники. В наступившей тишине его голос прозвучал необычно громко:

— Сейчас не твоё время.

Звукорежиссер Лео, сидевший за пультом, выглянул и, смотря в монитор с расписанием, сказал спокойно:

— Все в порядке, Кайл. Рид на съемках в Майами для клипа к «Полночи». Ее слот на ближайшие несколько дней отдали новичкам для записи демо. Вот, смотри.

Он развернул экран. График был железным аргументом. С 12:00 до 14:00 — Джонс Б.

Кайл посмотрел на Лео, затем медленно перевел взгляд на смущенного Билли. В глазах его бушевало раздражение, смешанное с чем-то похожим на растерянность.

— Понял, — сквозь зубы выдавил он.

Молча собрал свои вещи: бутылку воды, телефон, ключи, и удалился из студии, хлопнув дверью чуть громче, чем было нужно.

Кайл вышел на пожарную лестницу, ведущую на плоскую крышу здания. Достал сигарету, хотя бросал уже полгода назад. Потом передумал, просто зажал ее в пальцах. Майами. Съёмки. Клип «Полночь». Он слышал этот трек. Песня была... откровенной. Даже для нее.

Он достал телефон и набрал номер своего агента, Дэвида.

— Дэв. Элизабет Рид снимает клип в Майами. Мне нужно знать все. Какой режиссер, какой сценарий. Быстро.

Ответ пришел через двадцать минут. Дэвид перезвонил.

— Режиссер — Сэм Уолш, снимает много молодежной эротики, но стильно. Сценарий... Кайл, там почти нет сценария. Она одна, на постели, в ночнушке, танцы посреди комнаты. Томные взгляды в камеру, какие-то движения. Никаких статистов, никакого актера-партнера. Сплошная интимность для воображения.

Кайл слушал, и его пальцы все сильнее сжимали не зажженную сигарету.

— Понял, — сказал он снова, голос был ровным, но Дэвид, знавший его давно, почувствовал напряжение. — Спасибо.

Он сбросил звонок и еще минуту стоял, глядя на панораму Лос-Анджелеса. Решение пришло почти сразу. Кайл позвонил — Майклу, их общему продюсеру, человеку с железными нервами и нюхом на хайп.

— Майк, привет. У меня есть идея. По поводу клипа «Полночь» у Элизабет. — Он сделал паузу, собираясь с мыслями. — Коллаборация, не дуэт. Видеоряд ее, песня ее. Но мы добавляем мужскую фигуру. Не лицо. Отражение в зеркале, силуэт в дверном проеме, просто тень на стене. Чтобы было понятно: она поет не в пустоту. Она поет кому-то. Конкретному мужчине. Это подогреет интерес в сто раз. Фанаты сойдут с ума, начнут строить теории, кто это. Шумиха, мемы, теории, пейринги — все, что мы любим.

Он умолк, давая Майклу переварить.

— Я думаю, это интереснее, чем просто красивая девушка в кадре. Это добавляет историю, загадку. И... я свободен в эти даты, — добавил Кайл небрежно, как будто только что вспомнил.

В трубке повисла тишина. Потом Майкл засмеялся, коротко и понимающе.

— Я понял тебя, Кайл. Тень в клипе у главной соперницы. Драма. Люблю это. Ладно, я позвоню Сэму и его команде. Но это должно быть тонко. Очень тонко. И она должна согласиться.

— Конечно, — сказал Кайл, и в его голосе снова зазвучала привычная уверенность. — Это просто художественный прием.

Он положил трубку. Сигарету так и не закурил, разломил ее и выбросил. Спускаясь с крыши, он чувствовал прилив адреналина. Игра продолжалась. Но правила в ней только что поменялись. Теперь он не просто наблюдатель и соперник. Он собирался стать частью ее фантазии. Пусть даже в виде тени на стене. Это было начало. И он знал, что выиграет этот раунд.

Глава 3. «Полночь» часть 2

Первый съемочный день провалился. После долгого перелета Элизабет не смогла поймать нужное состояние. Камера, холодная и бездушная, ловила ее скованность, а не томную, уверенную страсть, требуемую песней «Полночь». Взгляд был пустым, движения слишком заученными и техничными, не идущими изнутри. Сэм, режиссер, видя ее мучения, решил не давить. Они отсняли нейтральные планы — Элизабет, сидящую на кровати у окна и смотрящую в ночной город, танцующую в центре просторного номера-локации под мелодичный припев. Технично, красиво, легко. Без огненной искры, которая делала ее клипы такими популярными.

Утром, через час после возвращения в отель, когда она пыталась заставить себя заснуть, раздался тихий стук в дверь. Это был Сэм.

— Элли, можно на минуту?

Он вошел, держа в руках два бумажных стаканчика с кофе и чаем, и протянул один ей.

— Ты сегодня была напряжена, — мягко сказал он, опускаясь в кресло. — Не парься сильно. Вспомни, как ты снимала «Сирену» — там ведь такой же нарратив. Внутренний огонь, желание, обращенное в пустоту. Или свой трек про полеты в другую галактику. Тот же секс, только бит быстрее. Не думай ни о чем, ты прекрасная певица и актриса. Просто расслабься и попробуй прочувствовать. Ты же для кого-то писала эту песню? — Он ободряюще улыбнулся. — Так вспомни для кого. И я уверен, ты сможешь отыграть лучше, чем сегодня.

Элизабет, кивнула, оставив стаканчик на тумбочку и обняв себя за плечи.

— Спасибо. Попробую прочувствовать.

— Ладно, отдыхай. Ночью снова будем снимать, — сказал Сэм, поднимаясь.

Она кивнула еще раз.

— Спасибо, Сэм. За поддержку.

— Если что, график позволяет, съемки можно на день отодвинуть, — добавил он уже в дверях. — Мы заложили один день запасным.

— Все в порядке, не нужно, — уверенно ответила Элизабет.

Дверь закрылась, оставив ее наедине с тишиной номера и гудящей в ушах неудачей. Она вздохнула и отпила еще чай из стаканчика. Как сыграть эту песню? Даже этот трек она писала, думая об этих чертовых наглых зеленых глазах. Даже Демона из приюта взяла потому, что тот, еще будучи котенком, смотрел на мир с тем же королевским высокомерием и обладал такой же черной шерстью и гипнотизирующим взглядом. «Лизи, ты спятила, окончательно», — прошептала она себе.

«Ладно. Прочувствовать песню», — решила она, и мысли неумолимо потекли в другом, давно знакомом ключе.

Хорошо. Она ее прочувствует. И проживет.

Она встала, проверила, что дверь в номер надежно закрыта, и выключила верхний свет, оставив гореть только приглушенный бра у кровати. В полумраке, вспоминая слова песни, она попыталась отпустить себя, пропустить через тело это желание, которое тлело где-то глубоко внутри.

Сначала она просто легла на огромную кровать, похожую на ту, что была на съемочной площадке, и выгнула спину, как требовалось по раскадровке. Она прекрасно помнила, какие именно образы были у нее в голове, когда она писала: «*Пронесись надо мной, как ураган*». Это не был абстрактный «он». Это был конкретный, живой, раздражающий человек. Она представляла его руки на ее теле. Сначала на шее, скользящие ниже, к ключицам, обхватывающие талию, цепкие и уверенные. Его голос, шепчущий колкости, которые отдавались в ней не злостью, а дрожью. Она растворилась в моменте, ощутив тот самый жаркий, тянущий узел внизу живота.

Элизабет спустила руку под шелковистый подол ночнушки, коснулась центра наслаждения и начала медленные, круговые движения. Она растягивала удовольствие, прокручивая в голове одну и ту же картину: язык, исследующий ее кожу, его взгляд, полный вызова и огня, который она видела лишь мельком. Мысль о том, что секс с ним был бы яростным и невероятно пьянящим, сводила с ума. Она была дико влажной от собственных фантазий, и это возбуждало сильнее.

Код доступа к самым откровенным сценам в ее голове был один — наглые зеленые глаза и циничная усмешка, которая преследовала ее годами. Элизабет тихо застонала в темноте, позволяя пальцам двигаться в такт воображаемому ритму его тела. Она представляла его вес на себе, его низкий, хриплый смех у самого уха, грубоватые ладони, сковывающие ее запястья. То, как он смотрел на нее в туалете на вечеринке — не на ту девушку, а на нее — с вызовом и каким-то животным любопытством. Она довела себя до пика с этим образом, сконцентрировавшись на сладком, тягучем напряжении, которое импульсами разливалось по всему телу.

Оргазм накатил волной, тихой и глубокой, заставив выгнуться дугой и глухо вскрикнуть в подушку. В тишине номера оставалось только ее прерывистое дыхание. Тело было расслабленным, размягченным, а разум — на удивление ясным. Стыд? Было, конечно. Но его перекрывало другое чувство — острая, почти злая решимость.

Она знала, как прожить эту песню теперь. Она знала, для кого она ее поет в своих фантазиях. И завтра камера увидит женщину, которая наконец-то позволяет себе чувствовать объект своего желания, пусть даже он останется невидимым для всех, кроме нее.

Элизабет перевернулась на бок, прижав горячее лицо к прохладной наволочке. Где-то в Лос-Анджелесе, наверное, в чьей-то постели, спал Кайл Фостер. И он понятия не имел, что только что стал музой, топливом и незримым партнером для ее съемок.

Кайл прилетел на день (а точнее на ночь) раньше, чем его вписали в официальный график съемок. Весь полет он не спал — ему нужно было перестроить режим под ночные съемки. Он вытянул у агента информацию об отеле и локации. Идея была проста, появиться неожиданно, застать всех врасплох и особенно ее.

Машина от аэропорта въехала в Майами, залитый дневным, слепящим солнцем. Он чувствовал усталость, нервы были натянуты, как струны. Адреналин от собственной наглости бодрил лучше любого кофе.

Фостер и его ассистент заселились в тот же отель, что и съемочная группа, несколькими этажами выше. Кайл скинул дорожную одежду, принял ледяной душ, но уснуть не мог. Тело требовало отдыха, а мозг лихорадочно прокручивал сценарий.

Он ворочался на кровати, представляя ее реакцию. Как она обернется на шум, как ее голубые глаза расширятся от непонимания, а потом в них вспыхнет раздражение. Как ее светлые волосы, вероятно, собранные в небрежный пучок после сна, будут отбрасывать золотистые блики под софитами. Он улыбался в пустоту номера, мысленно репетируя первую фразу. Что-нибудь убийственно простое. «*Что, Рид, надоело звать в кровать пустоту?*»

Чтобы убить время и понять атмосферу, он включил трек «Полночь». Голос Элизабет, низкий и страстный в первых куплетах, заполнил пространство. «*Только назови мое имя...*». Он закрыл глаза, пытаясь угадать, в каком она сейчас состоянии. Усталая? Раздраженная? Спит? Да, скорее всего, спит, набираясь сил перед ночью. Он понятия не имел, как прошли вчерашние съемки.

Пытаясь отвлечься, он выключил трек на Spotify, и запустил Youtube, почти на автомате, открыл ее старый клип «Левитирую». Яркий, беззаботный, космический. Элизабет в обтягивающем серебристом комбинезоне, ее светлые волосы свободно развевались, как сияющий ореол. Она парила между танцорами, их руки ловили ее за талию, касались бедер, их лица оказывались в опасной близости от ее губ. Она улыбалась в камеру чувственным, обещающим взглядом, который сводил с ума фанатов.

И это свело с ума его. Каждый взгляд, брошенный танцорам, каждый профессиональный, но интимный контакт в танце отзывался в Кайле острым, жгучим чувством. Это была не просто ревность. Это было яростное, первобытное неприятие того, что кто-то другой имеет право прикоснуться к ней, пусть и в рабочем ключе. Он, Кайл Фостер, который менял девушек, не запоминая их имен, сейчас лежал в гостиничном номере и горел от злости из-за постановочного танца, снятого два года назад.

Кайл прилетел на день (а точнее на ночь) раньше, чем его вписали в официальный график съемок. Весь полет он не спал — ему нужно было перестроить режим под ночные съемки. Он вытянул у агента информацию об отеле и локации. Идея была проста, появиться неожиданно, застать всех врасплох и особенно ее.

Машина от аэропорта въехала в Майами, залитый дневным, слепящим солнцем. Он чувствовал усталость, нервы были натянуты, как струны. Адреналин от собственной наглости бодрил лучше любого кофе.

Фостер и его ассистент заселились в тот же отель, что и съемочная группа, несколькими этажами выше. Кайл скинул дорожную одежду, принял ледяной душ, но уснуть не мог. Тело требовало отдыха, а мозг лихорадочно прокручивал сценарий.

Он ворочался на кровати, представляя ее реакцию. Как она обернется на шум, как ее голубые глаза расширятся от непонимания, а потом в них вспыхнет раздражение. Как ее светлые волосы, вероятно, собранные в небрежный пучок после сна, будут отбрасывать золотистые блики под софитами. Он улыбался в пустоту номера, мысленно репетируя первую фразу. Что-нибудь убийственно простое. *«Что, Рид, надоело звать в кровать пустоту?»*

Чтобы убить время и понять атмосферу, он включил трек «Полночь». Голос Элизабет, низкий и страстный в первых куплетах, заполнил пространство. *«Только назови мое имя...»*. Он закрыл глаза, пытаясь угадать, в каком она сейчас состоянии. Усталая? Раздраженная? Спит? Да, скорее всего, спит, набираясь сил перед ночью. Он понятия не имел, как прошли вчерашние съемки.

Пытаясь отвлечься, он выключил трек на Spotify, и запустил Youtube, почти на автомате, открыл ее старый клип «Левитирую». Яркий, беззаботный, космический. Элизабет в обтягивающем серебристом комбинезоне, ее светлые волосы свободно развевались, как сияющий ореол. Она парила между танцорами, их руки ловили ее за талию, касались бедер, их лица оказывались в опасной близости от ее губ. Она улыбалась в камеру чувственным, обещающим взглядом, который сводил с ума фанатов.

И это свело с ума его. Каждый взгляд, брошенный танцорам, каждый профессиональный, но интимный контакт в танце отзывался в Кайле острым, жгучим чувством. Это была не просто ревность. Это было яростное, первобытное неприятие того, что кто-то другой имеет право прикоснуться к ней, пусть и в рабочем ключе. Он, Кайл Фостер, который менял девушек, не запоминая их имен, сейчас лежал в гостиничном номере и горел от злости из-за постановочного танца, снятого два года назад.

Он резко выключил видео. *«Слишком. Слишком близко. Слишком глупо»*.

Кайл встал и подошел к окну. За стеклом бушевал огненный закат Майами, небо полыхало оранжевым и розовым. Скоро ночь. Скоро съемки. Скоро он увидит ее не на экране, а живую, испуганную или разъяренную его появлением. Идея, которая еще утром казалась дерзкой и веселой, теперь отдавала чем-то серьезным. Рисковым.

«Ладно, Фостер, — пробормотал он себе в отражении окна, где его черные волосы сливались с наступающими сумерками. — Ты начал эту игру. Теперь доводи до конца».

Он отвернулся от окна. Спать все равно уже не выйдет. Лучше пойти вниз, в бар, выпить крепкий кофе и ждать, когда на стойке регистрации начнется движение съемочной группы. Он посмотрит, сможет ли она спеть свою страстную «Полночь», глядя в ту самую камеру, зная, что он стоит в двух шагах и видит все.

Глава 4. «Полночь» часть 3

Освещение на площадке было другим. Не холодным и выставочным, как вчера, а теплым, таинственным, с глубокими тенями и золотистыми акцентами, которые выхватывали из полумрака то изгиб шеи, то блеск шелковистой ткани на бедре. Элизабет стояла в центре огромной, почти пустой спальни-локации и чувствовала тихое, сосредоточенное ожидание. Внутри все горело ровным, уверенным пламенем, разожженным фантазиями. Она больше не играла для абстрактной камеры. Она обращалась к своему призраку, к своему демону, и это знание делало каждый взгляд томным, а каждое движение — обещающим, как и текст песни.

— Мотор! — скомандовал Сэм, и зазвучала «Полночь».

Элизабет медленно провела рукой по бедру, ощущая под пальцами гладкость ночнушки. Ткань была легкой, почти невесомой, и два коротких разреза по бокам открывали при каждом шаге вспышку кожи и тонкую, кружевную линию белья. Она двигалась к кровати, не как актриса, а как женщина, знающая, что за ней наблюдают. Ее взгляд скользил мимо объектива камеры, туда, в темноту за софитами, где в ее воображении стоял он. Надменное лицо, насмешка в уголках губ, расслабленная поза.

«Ты говоришь «нет», но тело просит «да»...

Она опустилась на край кровати, откинула голову, обнажив горло. Пальцы вцепились в шелк простыни, имитируя судорожное желание. В ее памяти звучал его голос: *«Ты же эксперт в теории... а на практике... тишина»*. И эта мысль, вместо того, чтобы ранить, подстегивала. Она доказала себе обратное. На практике все было очень даже громко. И сейчас она показывала это — всем, и, в первую очередь, его, незримому призраку.

Она сменила позу встав на колени и начала медленный, чувственный танец на кровати. Руки скользили по собственным бокам, подчеркивая линию талии, затем взмывали вверх, затягивая воображаемого партнера в этот тесный, интимный круг. Она представляла его руки на месте своих. Ее тело было не просто красивой картинкой — оно было живым, дышащим, жаждущим отклика. Камера крупным планом ловила полуприкрытые глаза, влажный блеск губ, легкую дрожь в животе при особенно откровенном повороте.

— Отлично, Элли! Идеально! Держи это! — доносился приглушенный голос Сэма.

Она держала. Была в своей стихии, в центре собственной, выстраданной фантазии. Каждый кадр был заряжен энергией, которую нельзя было подделать. Ей было жарко под лучами софитов, но это был внутренний жар. Она забыла о Кайле Фостере как о реальном человеке. Он стал концепцией, образом, топливом, и оно горело ярко и чисто.

Кайл увидел Элли еще до того, как кто-либо его заметил. Пробравшись на съемочную площадку через служебный вход, он замер в глубокой тени, за спинами осветителей.

И не смог оторвать глаз.

Он ожидал увидеть красивую картинку. Профессиональную и холодную. Надеялся подловить ее на фальши, чтобы потом иметь повод для новой колкости. Но то, что происходило в центре этого золотистого ореола света, было чем-то иным.

Элизабет была... нереальной. Эта чертова ночнушка, короткая, с разрезами, играла с каждым ее движением, открывая то длинную линию бедра, то мелькнувшее кружево белья на ягодице. Но дело было не в наряде. Дело было в ней. В том, как она смотрела в пустоту, и там словно появлялся кто-то. Кто-то очень конкретный. В ее взгляде читалось не просто кокетство, а вызов, знание, нетерпение.

«Для кого она это делает?» — пронеслось в голове Кайла с новой силой. Ревность, которую он пытался подавить просмотром старого клипа, вспыхнула снова, обжигая изнутри. Она так смотрела не на пустоту. Она видела кого-то. «Того, с кем говорила по телефону?».

Его цинизм и наглая бравада начали трещать по швам, как тонкий лед. Он планировал ворваться, разрушить ее концентрацию, уколоть. Но сейчас, наблюдая за ее работой, он понял, что это было бы не просто наглостью. Это был бы профессиональный саботаж. И как ни странно, это остановило. Он, Кайл Фостер, король эгоцентричных выходов, вдруг осознал границу, которую не готов был переступить. Из уважения к тому, что она создавала. К этой почти осязаемой, дразнящей ауре страсти, которую излучало каждое ее движение.

Он видел, как при повороте ее взгляд на секунду скользнул по его сектору темноты, и сердце дико стукнуло. Она не увидела его. Была слишком погружена в своего воображаемого партнера.

Кайл закусил губу. Игра зашла дальше, чем он предполагал. Он хотел быть тенью на ее стене, но не ожидал, что ее собственная воображаемая тень — призрак того, кого она желает, — окажется такой яркой и такой... не-им.

Его намерение подколоть ее на перерыве трансформировалось. Теперь в нем было меньше насмешки и больше чего-то другого. Сильного любопытства. Раздраженного восхищения. Желания сорвать с нее этот марокканский шелк и доказать, что настоящие руки, настоящий взгляд, настоящий голос — его — будут в тысячу раз лучше любого призрака.

Он ждал, пока Сэм не крикнул: «Стоп! Перерыв пятнадцать минут!»

Элизабет, словно вынырнув из глубокого транса, расслабила плечи и потянулась, как кошка. Она направилась к своему креслу-трансформеру в углу площадки, где стояла вода и вентилятор.

Именно в этот момент Кайл выступил из тени.

Он сделал несколько неспешных шагов, засунув руки в карманы джинс, и облокотился плечом о косяк двери в соседнее помещение, приняв вольжжную позу. Он был в футболке, облегающей плечи, и в его глазах горел знакомый, наглый огонек.

— Ну что, Рид, — голос, низкий и насмешливый, разрезал уставшую тишину после съемок. — Я смотрю, теорию ты на практике отрабатываешь вполне убедительно. Особенно тот момент, где ты смотришь в пустоту с таким видом, будто там стоит единственный мужчина на земле. Жаль, что его там нет.

Элизабет замерла с бутылкой воды у губ. Медленно повернула голову. Увидев его, она не ахнула, не застыла в шоке. Ее глаза, еще секунду назад томные и затуманенные, прояснились и заострились, как льдинки. Она отвернулась от него, переведя взгляд на зеркало и смотря ему в глаза в отражении.

— Фостер, — произнесла она ровно, отставив бутылку и откинувшись на стуле, положила ногу на ногу. — Что, своего туалета в Лос-Анджелесе не хватило для новых подвигов?

Уголок его рта дрогнул. Он оттолкнулся от косяка и сделал пару шагов в ее сторону, намеренно медленных.

— Скучно стало в знакомых местах. Решил посмотреть, как создается настоящее искусство, — он окинул ее фигуру в ночнушке откровенным, задерживающимся взглядом. — Вид... провокационный. Но для съемок с самой собой — даже скромный. Уверена, что тебе не нужен партнер? А то, я как раз свободен.

Он подошел совсем близко, нарушая личное пространство, и положил руки на спинку стула по краям, не касаясь ее, но обозначая свое присутствие. От него пахло дорогим парфюмом, кофе и чем-то неуловимо опасным.

— Тебя кто-то звал? — парировала она, не изменяя позы ни на сантиметр. Ее взгляд в отражении скользнул по его лицу с преувеличенным безразличием. — Ох, погоди... Мне сказали, ты должен быть здесь в роли тени, верно? Ну что ж, тень, ступай на свое место — на стену. А со мной разговаривают только люди. И то, не все.

Она откинула с плеча волосы, и подалась вперед к зеркалу, подводя губы блеском, продолжая удерживать взгляд в отражении.

Кайл рассмеялся, но смех был напряженным. Его взгляд прилип к линии ее бедер, к шелку, обтягивающему каждый изгиб.

— О, теперь я понял, — прошептал он так, чтобы слышала только она. — Это для него, да? Для того, кому ты шепчешь «я тебя тоже» по телефону. Чтобы, когда он увидит клип, сгорал от желания. Хорошая тактика, Рид. Грязная, но эффективная.

Элизабет резко встала и повернулась, вздернув подбородок и скрестив руки, в ее глазах вспыхнули настоящие молнии.

— Единственное, что здесь грязное, Фостер, это твои фантазии. И твоя наглая физиономия на моей площадке. Убирайся, и приходи по своему графику. Или я позову охрану и устрою сцену, которая попадет в таблоиды раньше моего клипа. «Фостер, одержимый соперницей, сорвал съемки». Как тебе такой заголовок?

Они стояли, почти соприкасаясь, напряжение между было практически осязаемым. Кайл видел, как вздымается ее грудь под тонким шелком, видел легкую дрожь гнева (или чего-то еще?) в руках. Он хотел схватить ее, прижать к стене, заставить замолчать своим поцелуем, доказать, что он — не тень, а плоть и кровь, которая может дать ей в тысячу раз больше, чем любой телефонный ухажер.

Но оглянувшись увидел приготовившуюся к работе команду. Увидел Сэма, который наблюдал за ними с нахмуренными бровями. Профессионализм, этот надоедливый внутренний цензор, снова одержал верх.

Он отступил на шаг, подняв руки в знак сдачи.

— Успокойся. Я ухожу. Не хочу мешать... процессу, — он сделал ударение на последнем слове, бросив многозначительный взгляд на ее наряд. — Удачи с твоим невидимым другом. Надеюсь, он оценит твои старания.

И, насвистывая мотив «Сирены», развернулся и тем же неспешным, развязным шагом направился к выходу, оставляя ее одну посреди площадки, тлеющую от ярости и чего-то еще.

Элизабет выдохнула, только когда дверь закрылась за ним. Она дрожащей рукой поправила соскользнувшую лямку ночнушки. Его появление было как удар током. Оно разрушило хрупкий мир ее фантазии, вернув на место живого, дышащего, невыносимого раздражителя.

Но странное дело. Ярость и унижение, которые она должна была чувствовать, были смешаны с адреналином и той же самой, знакомой тянущей, сладкой слабостью. Он видел ее такой. Видел ее откровенную, уязвимую, работающую с воображаемым им же. И это было невыносимо стыдно. И невероятно возбуждающе.

— Все в порядке, Элли? — подошел Сэм, глядя на нее с беспокойством.

— Все отлично, — она выпрямилась, отбросив со лба прядь волос. Голос ее звучал хрипло, но твердо. — Просто, неожиданный... гость. Давайте продолжим.

Она прошла в помещение для съемки. Камера должна была снять крупный план — лицо, губы, поющие финальный куплет. И теперь, когда она смотрела в объектив, она уже не представляла абстрактный образ. Она видела его наглые глаза, слышала его голос: «*Для него, да?*»

И ее улыбка, медленная, уверенная, почти торжествующая, которая должна была стать финальным кадром, была адресована теперь не призраку, а ему. Настоящему Кайлу Фостеру. Пусть он смотрит этот клип потом. Пусть видит эту улыбку. И гадает, кому же она на самом деле предназначалась.

Глава 5. Возможно ли чудо?

Съемки Элизабет формально не пересекались по расписанию с Кайлом, но иногда он задерживался на площадке, оставаясь в тени, и она знала, что он смотрит. Это знание превращало каждый кадр в личный спектакль, адресованный конкретному зрителю. И она вкладывала в него всю себя — каждый томный взгляд, каждый медленный поворот бедра, каждую загадочную улыбку, обращенную в пустоту. То, что он это видел, подогревало ее сильнее любого софита, выжимая из нее эмоции, от которых режиссер Сэм был в полном восторге.

Самого Кайла сняли всего за несколько дублей. Его сосредоточенное, слегка отрешенное лицо появлялось в отражении зеркала, мимо которого она проходила, искажалось в бокале на тумбочке, ложилось тенью на простыни рядом с ее силуэтом. Его черты были узнаваемы ровно настолько, чтобы фанаты зашептались: *«Это он? Это просто cameo или между ними что-то есть?»*. Чистейший хайп, как и было задумано. Идеальный двигатель для раскрутки.

В последний день съемок она вернулась в гостиницу выжатой, как лимон. Быстро собрала чемодан, на четыре часа провалилась в тяжелый, беспробудный сон, а потом, едва пересилив себя, вызвала такси до аэропорта. Она вылетала раньше съемочной команды — им нужно было решить кучу организационных вопросов, а она отчаянно нуждалась в тишине и привычных стенах своей квартиры, где ее ждал ворчливый Демон.

Стоя у стойки регистрации в джинсовой юбке свободного кроя, расстегнутой толстовке, с рюкзаком за плечом, она ждала своей очереди, чувствуя, как веки наливаются свинцом. Чемодан упирался ей в ногу.

— Нашлась, — раздался знакомый низкий голос прямо за спиной.

Она не обернулась, лишь выдавила из себя усталый вздох. Кайл Фостер подошел и встал рядом, положив на стойку свой паспорт. Оказалось, они летели одним рейсом.

— Фостер, — сказала она, наконец бросив на него ледяной взгляд. — Здорово, ты дока- тился до преследований в аэропорту?

Он лишь поднял бровь, его лицо было свежим и отдохнувшим, будто он только что сошел с обложки журнала.

— Рид, не льсти себе. Наши билеты были оформлены агентством, — он пожал плечами, улыбнувшись девушке за стойкой. — Рейс один, места в бизнес-классе свободны. Не нужно приписывать бухгалтерам моих зловещих планов. Мне обратный билет выписали еще до того, как я приземлился в Майами.

Элизабет вздохнула, передала паспорт и попросила место у окна. Забрав посадочный, не оглядываясь, направилась к зоне досмотра, чувствуя его взгляд, будто физическое прикосновение между лопаток.

Кайл, проводив ее глазами, широко, по-мальчишески улыбнулся девушке за стойкой.

— Скажите, возможно ли чудо? — спросил он обаятельно. — Не могли бы вы сделать так, чтобы я сидел рядом с моей коллегой? Мы летим работать над проектом, и нам нужно обсудить детали. Так будет удобнее.

Девушка, покраснев под его взглядом, пару раз щелкнула мышкой и кивнула.

— Конечно, мистер Фостер. Все готово.

— Вы просто прелесть, — сказал он, подмигнув, и забрал посадочный талон. Шесть часов рядом с ней, идеально.

В зале ожидания бизнес-класса он нашел Элли сидящей у панорамного окна, уставившейся на взлетающие самолеты. Подошел и без лишних слов сел в кресло напротив. Поймав взгляд стюардессы, обслуживающей зал, сделал едва заметный жест.

— Две чашки кофе, пожалуйста. Для леди — латте с корицей и без сахара. Мне — эспresso, крепкий.

Стюардесса кивнула и удалилась.

Через несколько минут перед ними поставили две фарфоровые чашки.

— Латте с корицей и без сахара для мисс, — сказала стюардесса, ставя чашку перед Элизабет. — И эспresso для вас, сэр.

— Откуда ты знаешь? — Элизабет медленно отвела взгляд от окна. Усталое любопытство в нем смешалось с настороженностью.

Кайл отхлебнул свой эспresso, не сводя с нее глаз.

— У тебя в Facebook это написано. Под фоткой с кружкой в руках, — он усмехнулся. — Хештег: #латтескорицейбезсахара. Довольно мило.

Она вспомнила тот пост. Невинную фотографию, сделанную в маленькой кофейне. Она покраснела — не от смущения, а от странного, ползучего ощущения, что за ней наблюдают куда пристальнее, чем она думала.

— Сталкер, — пробормотала она, но уже без прежней огранки, больше для проформы. Она взяла бокал, обхватив его ладонями, почувствовав, как тепло проникает в замерзшие пальцы.

— Профессиональный интерес, — парировал он, откинувшись на спинку кресла. Его взгляд скользнул по ее лицу, по темным кругам под глазами. — Ты выглядишь так, будто тебя через мясорубку прогнали.

— Спасибо за комплимент. Ты всегда знаешь, что сказать девушке, — она отпила латте, и сладковатый вкус корицы на мгновение принес утешение.

Он не ответил, просто смотрел на нее. Шум аэропорта, объявления о рейсах, голоса других пассажиров — все это отступило, образовав вокруг них небольшой, напряженный пузырь тишины.

— Ты была великолепна на площадке, — неожиданно сказал он, и в его голосе не было насмешки или подколки.

Она встретила его взгляд, ожидая подвоха. Но его глаза были серьезными, почти задумчивыми.

— Не нужно... — начала она, но он перебил.

— Это не лесть. Это факт. То, что ты делала... Это было настоящее. Не каждый артист способен на такое. Даже придумывая партнера в голове.

«*Придумывая партнера*». Фраза прозвучала как обвинение. Или как вопрос. Она опустила взгляд в свой латте, наблюдая, как тает пенка.

— Это моя работа, — сказала она ровно. — Я должна быть убедительной.

— О, ты была более чем убедительна, — он отозвался, и в его тоне снова зазвучал знакомый, опасный оттенок. — Настолько, что я почти поверил, что у тебя и правда есть кто-то. Тот, кому ты это адресовала.

Она резко подняла на него глаза. Усталость и кофе сделали ее уязвимой, границы были тоньше.

— А тебе-то какое дело, Фостер? — выдохнула она. — Даже если есть, это не твоя забота. Ты не... мы ничего...

— Пока, — тихо перебил он, и в этом одном слове было столько уверенности, столько неоспоримой претензии, что у нее перехватило дыхание.

Объявили их рейс. Она отставила недопитый латте, встала и, не глядя на него, взяла рюкзак.

— Никогда, — бросила она через плечо и пошла к выходу на посадку.

Он последовал за ней, держась на шаг сзади, и его тихий смех догнал ее, как обещание.

— Посмотрим, Рид. У нас впереди долгий полет.

Глава 6. Десять тысяч метров

Салон самолета погрузился в привычный для дальнего перелета гул. Элизабет, скинув толстовку, осталась в простом черном топики и джинсовой юбке. Она устроилась у окна, натянула наушники и уставилась в экран, где что-то беззвучно двигалось. Поза была закрытой, отгороженной.

Кайл, сидевший рядом в проходе, наблюдал за ней краем глаза. Видел, как она не перематывала застывшую на одном месте сцену, как ее взгляд был расфокусирован. Она его слышала. Чувствовала. Игра в игнор была прозрачной, но он позволил ей продолжаться — первые полчаса.

Потом он наклонился к ней, нарушая личное пространство. И губы оказались в сантиметре от ее уха, не скрытого волосами.

— Ладно, давай так, — сказал он так тихо, что слова тонули в шуме двигателей, но она не могла их не слышать. — Ты говоришь, кто тебе звонил той ночью, и я отстану. На какое-то время точно.

Элизабет медленно, с преувеличенным недовольством, вынула один наушник и повернулась к нему. На ее губах играла усталая, язвительная ухмылка.

— Фостер, это тебя не касается.

— Мы в одном клипе снялись. Теперь касается, — парировал он, не отступая. — Кто это? Знакомство по интернету? Тайный ухажёр, который общается с тобой только звонками? Давай, Рид, что сложного сказать? Имя, род занятий... Или он женат?

— Фостер, твоя наглость не имеет границ! Если не знаешь, чем заняться, — она кивнула в сторону прохода, где проходила улыбчивая стюардесса, — вон, стюардесса тебе глазки строит. Будет счастлива отдаться в любой части самолета. Как твоя брюнетка с вечеринки.

Кайл откинулся на спинку кресла, изучая ее лицо. Его собственное выражение было невозмутимым.

— Меня это не интересует.

Она фыркнула, повернувшись к нему полностью. Голубые глаза сверкнули холодным любопытством.

— С каких пор бабника и повесу не интересует секс с симпатичными женщинами? Еще неделю назад ты неплохо развлекался.

— Ты просто невыносима, — констатировал он, и в его голосе впервые за весь разговор прозвучало подлинное раздражение.

— Я знаю, — парировала она с убийственной искренностью и вставила наушник обратно в ухо, демонстративно увеличив громкость на телефоне.

Он отступил, но не успокоился. Напряжение между ними висело в воздухе, казалось еще немного и начнут бить молнии.

Когда разнесли подносы с напитками, небольшая катастрофа была неизбежна. Элизабет, потянувшись за стаканом апельсинового сока, неловко задела его рукой. Оранжевая жидкость веером брызнула на светло-голубую джинсовую юбку, оставив мокрое, яркое пятно на бедре.

— Черт, — вырвалось у нее. Она резко схватила стакан с остатками сока и обратилась к Кайлу, который наблюдал за происходящим с едва заметной усмешкой. — Фостер, выпусти меня.

Его вытянутые ноги преграждали путь до прохода. Он медленно, наслаждаясь моментом, улыбнулся.

— Придется пройти мимо. Можешь лицом, можешь спиной. Виды превосходные в любом случае, — его взгляд намеренно скользнул вниз, к вырезу топика.

Элизабет сжала губы. Пятно было липким и холодным.

— Я сейчас остатки тебе за шиворот вылью, если ты не встанешь. — она угрожающе направила стакан в сторону Кайла.

Он сделал жест руками в мнимой сдаче.

— Ладно, ладно. Я пошутил. Ты сегодня какая-то напряженная, Рид.

Он встал, давая ей пройти. Она проскользнула мимо, избегая касаться его, и направилась к туалету в хвосте салона. Кайл видел, как ее уши и шея порозовели от досады и смущения. Он выждал пару секунд и неспешно пошел следом.

Она уже открыла дверь и скрылась внутри. Он оглянулся — стюардессы были заняты в другом конце салона, пассажиры дремали или смотрели в экраны. Мгновение, и он толкнул дверь, которую она не заперла, втиснулся в тесное пространство и закрыл за собой, щелкнув замком.

Элизабет, стоявшая у раковины с влажной салфеткой в руках, вздрогнула и обернулась. В ее глазах вспыхнул гнев, но в следующее мгновение он был задушен шоком, когда Кайл, не говоря ни слова, прижал ее к холодной пластиковой стойке. Его руки уперлись в стену по бокам от головы, превращая крошечную комнатку в клетку.

— Я закричу, — выдохнула она, но это прозвучало как слабая угроза в гулкой тишине, нарушаемой только ровным гудением самолета.

— Кричи, — парировал низким, спокойным голосом, делая шаг вперед и лишая ее возможности выскользнуть. Он наклонился, и губы прикоснулись к ее шее, чуть ниже мочки уха

— горячее, влажное прикосновение, от которого все ее тело содрогнулось волной электричества. — Только кричи так, чтобы все услышали. Испорти мою репутацию.

Она не смогла издать ни звука. Воздух будто вырвали из легких. Она застыла, растворяясь в шоке и в этом запретном, постыдном возбуждении, что вспыхнуло от его губ на коже. Она почти перестала дышать.

— Дыши, Рид, — прошептал он ей в ухо, дыхание обжигало. — Вдох. Выдох. Иначе как ты будешь кричать?

Она не закричала. Она смотрела на него, на его близкое лицо, на темные, почти черные в тусклом свете глаза, в которых плясали чертики. Словно просчитывала что-то, взвешивая последствия, сопротивление, желание. И выдохнув — долгий, глубокий вздох, в котором была и сдача, и капитуляция, и освобождение от лет бессмысленного ожидания.

Она обвила его шею руками и притянула к себе в поцелуе.

Это был яростный, голодный, отчаянный поцелуй, в котором выплеснулась вся жажда, что копилась годами. В нем было отчаяние и злость, победа и поражение одновременно. Кайл ответил ей той же монетой — грубо, требовательно, захватывая инициативу. Руки спустились к ее юбке, задрали подол, обнажив бедра и тонкое кружево трусиков. Он мял ее ягодички с силой и нежностью одновременно, она застонала в поцелуй, впиваясь пальцами в его плечи и волосы.

С рывком он посадил ее на столешницу рядом с раковиной, встав между расставленных ног. Не отрываясь от губ, он потянул топик вверх, стянул лифчик ниже, открывая для себя грудь с уже набухшими, темно-розовыми сосками. Он захватил одну ладонью, вызывая у новый стон, и наклонившись взял сосок в рот, играя с ним языком, слегка прикусывая. Она вскрикнула, впиваясь ногтями ему в спину. Он оставлял на ее коже следы, метки и укусы, заметные, сообщение для невидимого соперника — моя.

Она что-то шептала в промежутках между поцелуями — возможно, проклятия, а возможно, его имя, срывающееся с губ в виде прерывистого дыхания. Кайл сдвинул в сторону тонкое кружево трусиков, запустил в нее два пальца, находя ее уже влажной, готовой. Большим пальцем он играл с ее клитором, выводя круги, нажимая, доводя до безумия. Она стонала, хватаясь за него, впиваясь, царапая, он довел ее до первого, стремительного оргазма. Она выгнулась в немом крике, уткнувшись лицом в плечо, все ее тело содрогнулось в удовольствии.

Пока она еще приходила в себя, он расстегнул ремень, сбросил штаны и боксеры. Его взгляд не отрывался от ее лица, залитого румянцем, с полуприкрытыми, блестящими глазами.

— Смотри на меня, — приказал он хрипло, взяв ее за подбородок, когда она попыталась зажмуриться. — Смотри на меня, когда я тебя трахаю, Рид. Я твоя реальность. И сейчас ты только моя.

Кайл вошел в нее одним уверенным движением. Она охнула, ноги обвились вокруг его тела, притягивая глубже. Боль, непривычная за долгое время, мгновенно растворилась в волне нового, всепоглощающего удовольствия.

Он начал двигаться — не спеша сначала, давая ей привыкнуть к каждому толчку, затем ускоряясь с каждым разом, входя все яростнее. Ритм задавал гул самолета, стук ее сердца в ушах, ее прерывистые стоны, которые она уже не пыталась подавить. Она не могла думать ни о чем, кроме него — его руках держащих ее за бедра, его губах, снова нашедших ее, его взгляде, приковывающим к себе.

— Еще, — шептала она, царапая спину, когда волна нового приближающегося оргазма начала нарастать где-то глубоко внутри. — Прошу, еще...

Она почти кричала в его поцелуй, когда кончила во второй раз, сильнее и продолжительнее, содрогаясь в его объятиях. Только тогда он позволил себе отпустить контроль. Его движения стали хаотичными, с низким, сдавленным стоном, произнеся ее имя — «Элли» — он нашел свое завершение, прижимая к своей груди так сильно, как будто хотел поглотить всем телом.

Тишину нарушало только их тяжелое, спутанное дыхание. Кайл опустил голову ей на плечо, чувствуя, как дрожат ее колени. Он не отпускал, давая обоим прийти в себя в тесном, душном пространстве, пахнущем духами, потом и сексом.

Наконец он отстранился, встретив ее взгляд. Ее голубые глаза были огромными, темными, полными шока, стыда и какого-то ошеломленного торжества. На шее и груди краснели следы от его зубов и губ. Он аккуратно поправил ее лифчик и топик, спустил юбку.

— Реальность, Рид, — тихо повторил он, проводя большим пальцем по ее влажной, распухшей нижней губе. — Запомни.

Он наклонился, смыл с рук следы, поправил одежду и отщелкнув замок, вышел, не оглядываясь, оставив ее одну с разорванным на части миром и соком апельсина, впитавшимся в юбку.

Элизабет медленно сползла со столешницы, оперлась о раковину и посмотрела на свое отражение в мутном зеркале. Растрепанные волосы, размазанная помада, сияющие глаза и красные метки на коже. Она прикоснулась к одному из следов на шее. Слишком реально.

Выдохнула и дрожащими руками, попыталась привести себя в порядок. Намочив салфетку она терла подол, словно пятно причинило ей личную обиду. Замыв сок полностью, поправила длинные волосы так чтобы прикрыть шею и ключицы.

По пути к своему месту она поймала на себе взгляд той самой стюардессы. В глазах девушки промелькнуло понимание, легкая зависть и профессиональное равнодушие. Элизабет прошла мимо, не опуская головы.

Кайл уже сидел на своем месте, смотря в иллюминатор на бескрайние облака. Он пропустил ее к месту у окна. Она села, завернувшись в толстовку, накинула капюшон, пристегнулась и снова надела наушники.

Элизабет смотрела в темноту за окном, чувствуя, как ее тело ноет и гудит в такт двигателям, помня каждое прикосновение, каждый взгляд, каждое его слово. «*Я твоя реальность*».

И самое страшное было в том, что впервые за долгие годы ее фантазии оказались бледнее и скучнее, чем то, что только что произошло в тесном туалете на высоте десяти тысяч метров.

Глава 7. Плохая шутка

Ночь отступала за стеклом иллюминатора, уступая место сизой, дождливой заре. Элизабет не отрывала взгляда от проплывающих внизу облаков. Метки на шее и под ключицей горели, будто нанесенные кислотой, а не губами. Она раз за разом прокручивала в голове те несколько минут: его руки на стене, его дыхание на коже, свое собственное движение навстречу.

Внутри бушевал ураган из противоречий: стыд, жгучий и унижительный, сменялся вспышками того самого восторга, от которого до сих пор ныли мышцы и кружилась голова. Но лицо ее оставалось каменной маской. Она научилась этому за годы в индустрии. Ни единой лишней эмоции. Ни изменений в дыхании, ни произвольных движений. Она сидела, словно статуя, глядя перед собой, но не видя ничего.

Кайл молчал минут пятнадцать.

«Я планировал шутку, ожидал пощечины, крика, скандала, где нас разнимали стюардессы, а я продолжал бы подкалывать. Но никак не это!» — Его разум лихорадочно работал, хотя тело было расслаблено. Спина горела от следов ее ногтей. Он потянулся за глянцевым журналом в кармане кресла, развернул его, но буквы расплывались.

— В Лос-Анджелесе вроде как по прогнозу будет дождь, — сказал он наконец, не глядя на нее.

Она не повернулась.

«Он не насильник, — крутилось в ее голове. — Если бы закричала — отступил бы. Если бы ударила — отпустил. Но я не ударила, не закричала. Я сама набросилась на него, как голодная кошка. Кошмар! Теперь он сидит в полуметре и думает, что я такая же, как все те, с кем он забавлялся на вечеринках. Рид, ты окончательно сошла с ума. Отдалась Фостеру. В туалете! В самолете!»

— Да? Не смотрела прогноз, — ее голос был ровным, почти безразличным.

Руки в карманах толстовки сжались в кулаки, ногти впивались в ладони.

Кайл перелистывал страницы, но мысли упрямо возвращались к одному: *«если у нее кто-то есть, почему была такая безумная, почти животная реакция? Они не спят? Что у них за отношения? Она была ненасытной, жадной, согласной на все. Она была только со мной и точно думала только обо мне, а не о своем телефонном друге. Почему?»*

— Я перед посадкой смотрел, — добавил он, глядя на размытую фотографию побережья. — Может, даже ливень будет.

Элизабет утопала в собственных раздумиях: — *«Как вести себя дальше? Говорить ни о чем? Рассказать про Ната? И что он скажет? Брат? Мне все равно. Или: Ты думаешь, у нас может быть что-то серьезное? Нужно что-то сказать, чтобы заполнить тишину.»*

— А как там Лора? Давно ее не видела, — Элли сделала слишком спокойный вдох и выдох, все еще глядя в иллюминатор.

«Почему она никогда не показывала, что хочет меня?» — мысленно терзался Кайл. — «Злилась — да. Сарказм — точно! Но чтобы такое яростное, голодное желание... Словно все мои шутки про ее фантазии на самом деле не были шутками. Это был настоящий голод плоти, скучавший по настоящему теплу и ярким эмоциям. Я не рассчитывал на это. Я никогда не терял контроль. И сколько себя помнил, не оставлял меток на женищинах, не ставил засосы — не думал, что это продолжится больше нескольких раз. Почему так снесло крышу? Ее страсть была заразной, она словно сорвала предохранители».

— Марк говорил, она кастинг в блокбастер прошла, — пробормотал он, пытаясь сосредоточиться на разговоре, но мысли ускользали, возвращаясь к тому, как она выгнулась под ним, тихо вскрикнув ему в губы.

«Проклятье, о чем я вообще думала? О том, что надоело уже купаться в фантазиях? Этот клип, стресс, близость... Черт, я бы повторила это, не задумываясь». — Она чуть плотнее сжала кулаки в карманах.

— Понятно. Здорово, — сказала Элизабет в пустоту.

«Она все испортила», — пронеслось в мыслях у Кайла. — «Вся эта игра в кошки-мышки, выстроенная годами. Я всего лишь делал все как обычно, нарушал личные границы — это была наша игра. А она своим порывом просто все испепелила». — Он запрокинул голову на подголовник кресла, закрыв глаза, изображая расслабленность. — *«Как теперь быть? Отношения? Что я должен делать? А что с тем, другим? Блять».*

— Когда ожидается выход клипа «Полночь»? — спросил он, не открывая глаз.

Она расслабилась, сев ровнее, но продолжая смотреть в иллюминатор. — *«Это уже случилось, чего паниковать? Просто смиришься и забудь. Да, наверное, так будет лучше. Это было хорошо, но это закончилось».* — Она сделала спокойный, глубокий вдох и выдох.

— Может, через пару недель. Может, через месяц. Сэм не говорил точно.

Больше трех часов после того, как они вернулись из туалета, продолжался этот бессмысленный, отрывистый обмен фразами — о погоде, о работе общих знакомых, о планах на неделю. Каждое слово давалось с усилием.

Кайл думал, и вопросы не находили ответов. — *«А если этот «кто-то» — просто голос? А если не просто? И я Кайл Фостер, стал для нее просто физической разрядкой?»* — Мысли жалили, как осы, оставляя под кожей жгучее раздражение.

Из самолета они вышли молча, спускаясь по трапу. Список глупых, безопасных вопросов окончательно иссяк. Они стояли в зоне багажа, наблюдая, как по ленте проплывают чемоданы. Кайл взял свою черную спортивную сумку и смотрел на Элли. Ее толстовка была застегнута до подбородка, капюшон на голове, словно пыталась спрятаться в собственной одежде.

Элизабет получила свой бежевый чемодан, выдвинула ручку. Кайл подошел ближе.

— Тебя встречают? Под такой ливень будет лучше, если я подброшу. Машина уже ждет, — сказал он, кивнув в сторону выхода, за стеклами которого хлестал сплошной серый поток.

Она повернулась к нему, натянув на лицо легкую, профессиональную улыбку, которой благодарила фанатов.

— Спасибо, но меня ждет Марго. Все в порядке.

Кайл понял, что она врет. С самой посадки в Лос-Анджелес она не доставала телефон, не смотрела на него, не писала сообщений.

«Что делать? Настоять, заставить? Начать спорить?» — Он видел, как она вышла в ливень раннего утра Лос-Анджелеса, натянула капюшон поглубже и, не оглядываясь, зашагала в сторону стоянки такси, волоча за собой чемодан. Ее силуэт быстро растворился в серой пелене дождя.

Время было около шести утра. Кайл не хотел ехать домой, в пустую, тихую квартиру, где его ждали только воспоминания, и роящиеся мысли. Сев на пассажирское сиденье черного внедорожника, который за ним приехал, он коротко бросил водителю:

— К Хенриксу.

Приехав к дому Марка, он вошел туда без звонка, используя код от замка, который тот дал ему года два назад «на случай апокалипсиса или отличной вечеринки». Сейчас подходило и то, и другое.

Марк, в шортах и с бутербродом в руке, замер посреди своей просторной гостиной в стиле лофт, усыпанной сценариями и пустыми кофейными чашками.

— Ты выглядишь так, будто тебя через мясорубку пропустили, — констатировал он, откусывая. — И пахнешь аэропортом и... чем-то тревожным. Что случилось? Лора, кстати, спит, так что говори потише.

Кайл прошёл мимо него, скинул куртку на белый диван, под негодующий вздох Марка, и прошёлся до мини-бара, налив себе виски без льда. Выпил залпом.

— Мы переспали.

Марк перестал жевать.

— Мы... кто? Ты и я? Потому что я этого не помню, но после той вечеринки с текилой...

— Я и Элли, — перебил Кайл, поставив стакан со стуком. — В туалете самолёта.

Наступила тишина, нарушаемая только тиканьем дизайнерских часов на стене. Лицо Марка медленно расплылось в удивлённой, а затем понимающей ухмылке.

— Наконец-то! Боже, сколько лет прошло! Ну и как? Она там, в самолёте, «теорию» подтвердила? Я имею в виду, насколько её порнороманы соответствуют...

— Заткнись, Марк, — голос Кайла прозвучал с непривычной для друга резкостью. — Это не шутка. Это... всё пошло не так.

Марк притих, увидев выражение на лице Кайла. Он отставил бутерброд, обтер пальцы салфеткой и присвистнул тихо.

— Ладно, ладно. Говори. Что значит «не так»? Что, она... сопротивлялась? Ты ее изнасиловал?

— НЕТ! — Кайл провел рукой по лицу, налил еще виски, но на этот раз просто крутил стакан в руках. — Наоборот. Она была... чертовски откровенна. Дикая, страстная. Я думал, она ударит меня. Или закричит. Я был готов к этому. Это была бы просто ещё одна наша дурацкая игра. Но она... она сама набросилась. Как будто ждала этого годами.

Марк сел в кресло напротив, отложив бутерброд на тарелку.

— И это плохо? Звучит как отличное начало для чего-то, что давно назревало.

— Плохо то, что я потерял контроль, — Кайл посмотрел на друга, и в его глазах читалась непривычная растерянность. — Я оставил на ней следы. Засосы, укусы. Я никогда этого не делаю.

— Ого, — протянул Марк, подняв брови. — Кайл Фостер, ставящий метки. Мир точно перевернулся. Но всё равно не понимаю, в чём проблема. Вы оба взрослые, оба хотели, страсть — дело хорошее. Или она потом пожалела, плакала?

— Не знаю, не плакала. Она не сказала ни слова. Сидела, как ледяная статуя, до самого приземления. Говорила о погоде, о Лоре, о её чертовом клипе. Как будто ничего не случилось. А потом просто ушла в дождь, солгав, что её встречают.

Кайл отпил наконец, почувствовав, как тепло разливается по груди, но внутренний холод не отступал.

— И теперь я сижу и думаю, что всё, что было между нами эти годы — наши стычки, наши взгляды, вся эта игра — она просто взорвала одним вечером. И что теперь? Что это было? Снятие напряжения? Мсть её телефонному ухажёру? Или... — он замолчал, не решаясь озвучить следующую мысль.

— Или она так же помешана на тебе, как ты на ней, только прячет это под маской ненависти? — договорил Марк.

Кайл молча кивнул.

— А этот её таинственный звонивший? Брат?

— Брат не звонит в час ночи с такими словами, — мрачно парировал Кайл. — И брату не отвечают таким тоном. Там что-то есть. И теперь я стал тем парнем, который вклинился в её непонятные отношения. Я стал... — он замялся, подбирая слово, — осложнением. А я не хочу быть осложнением, Марк. Я хочу быть... — Он не договорил, откинувшись на спинку стула.

— Единственным? — мягко спросил Марк.

Кайл ничего не ответил, просто смотрел в потолок. Впервые за долгие годы его уверенность пошатнулась. Он всегда знал правила игры с Элизабет Рид, а она все испортила.

— Я чувствую себя как мальчишка, — выдохнул Кайл, сжимая стакан так, что костяшки пальцев побелели. — Словно опять вернулся в ту идиотскую ситуацию. Я думал, ей нравится эта игра, где я — засранец, а она — недотрога. Это был наш баланс. Она просто разрушила это.

— Может, вам поговорить в кои-то веки как люди? — осторожно предложил Марк. — Пригласи её на ужин. Без подколов, без игры. Просто спроси, что это было.

— И что? — Кайл язвительно фыркнул, подняв на друга усталые глаза. — Я снова буду тем лапухом, который делает вид, что пока она трахается со мной, ночные признания в трубку — это норма? Нет уж.

— Ты не узнаешь, что это за голос, если вы не поговорите, — невозмутимо парировал Марк.

— Ты не понимаешь, это всё... вся эта ситуация — полное дерьмо! — Кайл встал, начав метаться по гостиной. Его тень скользила по бетонным стенам.

— Ты сам говоришь, она набросилась на тебя. Так, может, у неё и нет никого? Она не вызывает ощущения той, кто будет играть на два фронта.

Горькая, знакомая усмешка исказила губы Кайла.

— Анита тоже не вызвала. Была милой, спокойной... А сама... — Он не договорил, но память услужливо подсунула ему картинку: приоткрытую дверь в общежитии, знакомый смех, а потом... Он увидел её. Ту, на кольцо для которой потратил все свои сбережения. Она стонала зажатая между двумя одноклассниками, один из которых был его другом. Она была скромной, милой. А он был молодым, влюблённым, правильным, слепым дураком. Глоток виски стал гореть на языке.

— Ты проецируешь своё прошлое на всех. Это не правильно, — мягко, но настойчиво сказал Марк.

— А она что? — Кайл резко обернулся. — Она вообще не божий одуванчик. Ты её песни слышал? Ты видел её клипы? Это сплошная, откровенная, детально прописанная фантазия. И она их не просто поёт — она в них живёт на камеру. Она может изображать такую страсть, что у зрителя дыхание перехватит, а сама при этом будет думать о... о чём угодно. О счёте за электричество. Как я узнаю, что там было настоящее, а что — просто ещё одна блестяще

сыгранная роль? Как я узнаю, не играет ли она сейчас со мной в какую-то свою, новую, ещё более изощрённую игру?

— Знаешь что, — Марк поднялся с кресла и подошел к чайнику наливая себе кофе. — Ты прав. Она артистка. Одна из лучших. И да, она умеет изображать всё что угодно. Но ты тоже не лыком шит. Ты провёл в этой индустрии не меньше, ты видишь фальшь за версту. И что, в самолёте ты видел фальшь?

Кайл замолчал, уставившись в темнеющую за окном стену дождя. Нет. Фальши не было. Была дикая, почти неконтролируемая искренность. В её столах, в её взгляде, в том, как она впивалась в него, словно пыталась впитать в себя. Это было слишком реально, чтобы быть игрой.

— Нет, — тихо признал он. — Не видел.

— Тогда, может, перестань бегать кругами и попробуй быть честным. Хотя бы с самим собой, — Марк отпил кофе. — Спроси себя, чего ты хочешь? Одна ночь, чтобы снять напряжение, и дальше по старой схеме? Или что-то ещё?

Кайл закрыл глаза. Чего он хотел? Последние годы он хотел её внимания, реакции, взгляда, полного огня — даже если это был огонь ненависти. Он хотел побеждать в чартах только для того, чтобы видеть, как она сжимает губы, и знать, что мысленно она уже строит планы мести. Он хотел быть центром её вселенной, пусть и в негативном ключе. А теперь? Теперь он хотел вернуть все как было, это было понятно, это было просто, у него был секс и эти странные безопасные отношения. Эти перепалки, это не ранит. Не нужно вникать и думать что тебя обманут.

— Я не знаю, что делать, — проговорил он с нехарактерной беспомощностью. — Я хочу все вернуть, но теперь это невозможно.

Глава 8. «Все класс»

Элизабет провела весь день в странном состоянии полузабытья, то проваливалась в тяжёлый, не приносящий отдыха сон, то просыпалась и часами смотрела в окно, пытаясь анализировать каждую секунду в самолёте. Его взгляд, слова, поведение после... Что он чувствовал? Чувствовал ли что-то вообще? Может, рядом с ним все девушки так себя ведут? Теряют голову от одного его наглого прикосновения...

Она высунула язык и закатив глаза, плюхнулась спиной на кровать. Демон, дремавший на подушке, проснулся и тут же прибежал, устроившись у нее на груди. Мяукнув, уставился своими гипнотизирующими зелёными глазами.

— Да, чертёнок, отношения — это не про него, — прошептала она, глядя в эти наглые зрачки. — Люди не меняются, а я всего лишь ещё одно имя в его длинном списке. Не нужно строить иллюзий.

Но запретная, сладкая мысль о том, чтобы повторить всё еще хотя бы раз, отзывалась внизу живота тягучим, почти непреодолимым желанием. Она глубоко вздохнула.

— Я в жопе, Демон. В полной жопе...

Ночью Элли так и не смогла заснуть, раздумывая, каким образом теперь действовать. *«Как себя вести? Может, сделать вид, что ничего не было? Играть дальше, но с каким-то новым, невыносимым знанием?»* К утру она смирилась с одним — скрывать. От всех.

Утром, так и не сомкнув глаз, она нанесла тональный крем плотнее обычного, стараясь скрыть не только следы бессонной ночи, но и лёгкий синяк у мочки уха, который упорно проступал сквозь кожу. Надела практичную бежевую водолазку и чёрные облегающие джинсы. Покрутившись перед зеркалом, выудила из шкафа чёрный декоративный корсет с тонкой шнуровкой сзади. Надев поверх водолазки, затянула. Подчёркнутая грудь, выделенная талия... Мысль о его руках, которые медленно развязывали бы эту шнуровку, заставила её нервно взглотнуть и отбросить наваждение. Чтобы дышать свободнее, чуть ослабила корсет.

— Он любит наряды попроще и юбки покороче, — вслух констатировала она, проверяя, все ли его метки хорошо скрыты. Кивнула своему бледному отражению. Сегодня хотелось комфорта, поэтому выбрала на ноги — белые кроссовки.

За ней, как обычно, заехала Марго на своём тёмно-сером седане.

Элизабет спустилась к парковке. Марго, сидевшая за рулём, встретила её оценивающим взглядом, опустив солнцезащитные очки на кончик носа.

— Выглядишь так, будто тебя каток переехал, — констатировала ассистентка. — И, подумав, дал задний ход, переехал ещё раз.

Элизабет фыркнула, садясь на пассажирское сиденье и ставя сумку между ног.

— Спасибо за поддержку. Чувствую себя соответствующе.

Пока они ехали в сторону студии, Марго расспрашивала о поездке.

— Ну и как прошло? Сэм не замучил дублями?

— Утомительно, — честно призналась Элли, глядя в окно на проплывающие пальмы. — И морально тяжело. Клип... требовал полной отдачи.

— А броню сегодня от кого нацепила? — спросила Марго, указав подбородком на корсет поверх водолазки. — Обычно ты без всяких кофт его надевала. Неужели в такую жару замерзла?

— Просто настроение такое, — уклончиво ответила Элизабет, пожимая плечами. — хочется собранности.

Они заехали в привычную кофейню по дороге. Марго, как всегда, взяла раф с кокосовым сиропом для себя и латте с корицей и без сахара для Элли. И «про запас», два круассана с ветчиной и сыром.

Когда они снова тронулись, Марго сунула бумажный пакет Элли на колени.

— Поешь. Ощущение, что после прилёта ты не ела ничего, кроме кофе и собственных нервов. Уверена, весы подтвердят мои догадки.

Элизабет кивнула, отхлебнув кофе.

— Что-то ела. Но больше спала.

Марго бросила на неё быстрый, пронизательный взгляд.

— Спала? — хмыкнула ассистентка. — Именно потому что спала, ты нанесла такой слой тона? Ладно, не буду донимать. Сегодня у тебя репетиция вокала. Слот в студии занят на четыре часа. После — хореография с труппой. Твой тур состоится через пять недель. И Майкл перенёс встречу на пару дней.

— Перенёс? Она же должна была быть сегодня.

— Да, но он ждёт возвращения Фостера. По поводу прошедших съёмок хочет поговорить с вами обоими. Сэм, кстати, написал — клип будет смонтирован не раньше чем через неделю, а то и две. Но постараются быстрее.

Элизабет почувствовала, как внутри что-то ёкнуло.

— А куда уехал Фостер?

Марго сделала брезгливую гримасу.

— Должен был улететь сегодня утром в Нью-Йорк. На съёмки для рекламы духов. У Hugo Boss новый аромат, и они заключили контракт с Его Высочеством. — Она сделала паузу, затем

добавила: — Наверное я теперь перестану пользоваться их ароматами. Для меня они будут пахнуть похотью и блядством.

Элли невольно улыбнулась.

— Почему ты его так ненавидишь? Не замечала этого за тобой.

— Потому что он мудака, — без обиняков заявила Марго, ловко перестраиваясь в другой ряд. — Женщин ни во что не ставит, и меня бесит его манера командовать там, где он не начальник. Он меня тоже не жалуется, кстати, а его попытки выудить твой номер весь прошлый год откровенно затражали.

Элизабет потягивала кофе, глядя в окно. *«Мда уж, Марго лучше не рассказывать о том, что произошло. Никогда. Она не вынесет. И, возможно, будет права».*

К еде Элли так и не притронулась, отложив пакет на заднее сиденье.

— Я съела бутерброд перед выходом, — солгала она на неодобрительный взгляд Марго. Аппетита не было совсем, только ком в горле, лёгкая тошнота от недосыпа и пережитого стресса.

Марго не стала давить, лишь вздохнула.

— Ладно. Спишем на усталость от съёмок.

Когда они приехали к зданию студии, Элизабет, поправив корсет с ощущением, будто идёт на эшафот, направилась внутрь.

В студии звукорежиссёр Лео уже ждал её, настраивая оборудование.

— Привет, Элли. Как голос? Успела отдохнуть после перелёта?

— Вроде, — она попыталась улыбнуться, поставила сумку. — Что по программе?

— Твой трек для тура. «Всё класс». Давай разомнёмся на нём.

Когда заиграл задорный, пульсирующий бит, под который действительно хотелось танцевать и улыбаться, Элли почувствовала... пустоту. Она старалась вкладывать в голос силу, бодрость, лёгкость, но звук выходил плоским, будто натянутым. Она сбивалась на простых переходах, ловила не ту интонацию, голос дрожал на высоких нотах, которых раньше и не замечала.

После третьей неудачной попытки взять куплет Лео остановил музыку.

— Элли, может, исключить его? На концерте у тебя в основном другая тональность в песнях, если не успеешь переключиться, будет сложно.

— Нет, нет, всё в порядке, — она провела рукой по лбу. — Просто... Давай ещё раз.

Она глубоко вдохнула, стараясь сосредоточиться на тексте. Легкомысленные, беззаботные слова будто издевались над ней.

*«Готова этой ночью ко всему.
Лучшего не надо, не прошу...»*

Лео снова остановил её ещё до припева.

— Элли, так дело не пойдёт. Ты поёшь так, будто это похоронный марш. Где энергия? Где эта дерзкая уверенность?

— Всё в порядке, Лео, — она чувствовала, как по щекам разливается жар от стыда и раздражения на саму себя. — Просто нужен маленький перерыв. Я возьму себя в руки. Смена режима тяжело далась.

Лео, человек опытный и выдавший разные капризы звёзд, кивнул, снимая наушники.

— Двадцать минут. Пей воду. Не кофе. Воду.

Оставшись одна в тихой, затемнённой студии, Элли прислонилась к стене и закрыла глаза. Ирония ситуации была горькой и очевидной. *«Ты получила то, о чём пела все эти годы. Собственно, о чём жалеть? О том, что фантазия стала реальностью? О том, что это была реальность с Кайлом Фостером, а не с каким-то мифическим принцем из её грёз?»*

Она снова представила его руки, его дыхание, его низкий голос, произносящий: «Я твоя реальность». И, странное дело, даже сейчас, в полумраке студии, это воспоминание вызывало не только стыд и смятение, но и тот самый предательский трепет где-то глубоко внутри.

«Всё класс», — мысленно процитировала она свой же текст. — *«Да, я в норме опять. Конечно».*

Через двадцать минут она снова встала к микрофону. Лео молча запустил минусовку. Она вдохнула, собрала всю свою волю в кулак и запела. На этот раз голос звучал громче, увереннее, но в нём была не беззаботная лёгкость, а какая-то отчаянная, почти злая решимость. Будто она доказывала, что «всё класс» самой себе. Из последних сил.

Лео слушал, не перебивая, его лицо было непроницаемым. Когда трек закончился, он кивнул.

— Так уже лучше. Не идеально, но... сойдёт на сегодня. Держись в этом ключе. Больше энергии.

К концу репетиции Элизабет выдохнула, чувствуя, как дрожат колени.

— Спасибо, Лео.

— Отдыхай. Удачи с хореографом.

Она вышла из студии, чувствуя себя выжатой. Впереди было ещё несколько часов изнурительных прогонов с трупой. И всё это время ей придётся улыбаться, двигаться, излучать уверенность, которой не было внутри.

«*Всё класс*», — повторяла она про себя, направляясь к лифту. — «*Детка, просто знай, всё класс*».

Глава 9. Прогон

Несколько дней спустя Элизабет и Марго сидели в студийном кафетерии. Элизабет была после вокала — прогон всего концертного сэт-листа вытащил из неё почти все силы. Благодаря тому, что Кайл всё это время отсутствовал, ей удалось сосредоточиться на работе и выдавать нужные эмоции, но всё давалось с удвоенным усилием. Теперь она выглядела как выжатый лимон. Марго внимательно смотрела на неё, пододвигая тарелку с салатом.

— Ты сегодня, кроме кофе, ничего не ела. Возьми салат.

Элли, пытаясь перевести тему и отхлёбывая свой латте, спросила:

— Когда уже тур начнётся?

— Ещё четыре недели. Но у тебя сейчас начнётся период интенсивной подготовки — интервью промо перед концертом, репетиции. Так что не переводи тему и ешь.

— Аппетита нет совсем.

Марго окинула её взглядом с ног до головы.

— Корсет ослабь, глядишь, и аппетит появится. Если в первые дни ты носила его как аксессуар, то сейчас ты затянулась так, что даже мне больно. Ещё чуть-чуть и поведу тебя к штатному психологу.

Элли закатила глаза.

— Я ем, видишь? — Она наколола на вилку кусок курицы и демонстративно положила в рот. — Честно, у меня сейчас репетиция всего сета вживую, с хореографией и в костюмах, при Майкле. А ты предлагаешь мне наесться? Меня стошнит от нагрузки и только.

— Тебе нужны силы, а ты выглядишь так, словно тебя ветром сдует. Это на тебя не похоже. Даже в своих самых плотных графиках ты не была настолько... — Марго вдруг замолчала и серьёзно спросила: — Что-то случилось, да? Тогда, после Алекса, было так же. Когда вы расстались три с половиной года назад, ты также ушла в работу, забывая о своих потребностях. Рассказывай, что у тебя творится. И прекращай валить всё на усталость. У тебя за эти годы график был и похлеще.

Элли вздохнула, продолжая есть салат через силу.

— Всё в порядке. Просто мыслей много.

— Дай угадаю: и все они направлены на того, кто своей наглой рожей влез в твои съёмки?

— Он тут ни при чём! — вырвалось у Элли слишком быстро. — Влез, да, но не в этом дело.

— В чём тогда?

— Эта песня и клип... Ощущение, что я пытаюсь обмануть саму себя. Пою и выгляжу в клипах как шлюха, а сама живу с котом в обнимку. Ощущение что Алекс был прав...

Марго глубоко вдохнула.

— Элли, это всего лишь образ. А твой бывший — идиот, он хотел, чтобы ты выбрала его вместо карьеры. К тому же, ты годами строила этот образ.

— Только вот теперь всё это ощущается каким-то искусственным. Словно... не знаю, как сказать... эта фальшь стала душить.

— Просто тебе нужно найти уже себе, наконец, парня и прекратить фантазировать. А главное — прекратить на моё имя делать заказы, — Марго ехидно улыбнулась. — Меня из-за тебя курьеры с чёрными пакетиками скоро начнут узнавать.

Элизабет покраснела до корней волос.

— Если я закажу к себе, это обязательно в таблоидах уже завтра будет. Ты же знаешь... Прости...

— Да ладно, забей, — Марго посмотрела в расписание на планшете. — Прогон почти на шесть часов, судя по тому, насколько занято окно студийной сцены.

Элизабет вздохнула.

— Да, знаю. Майкл считает, что дуэт с Билли не идёт, поэтому хочет посмотреть в рамках всего концерта. Билли не дотягивает атмосферу трека «Сеньорита». Скорее всего, он уберёт его у меня из сета для следующих концертов или для съёмки клипа.

— У Билли не было крупных гастролей, естественно, он нервничает рядом с тобой.

— А я тут при чём?

Марго усмехнулась:

— Так у тебя точно не выйдет дать нужную эмоцию с ним.

Элли нервно потерла переносицу:

— Я как раз таки выкладываюсь на полную, а он краснеет в куплетах так, словно я его изнасилую на сцене. Чувствую себя растлительницей маленьких мальчиков.

— Ну, он не маленький, ему уже девятнадцать.

— Я тебя умоляю... Он почти ребёнок в этой сфере, ощущение, что он мои прикосновения воспринимает всерьёз.

Марго кивнула:

— Согласна. Опыта у него маловато.

— Лео считает, по тону и тембру он лучше всего подходит под этот трек, поет он действительно хорошо, пока не наступает момент танца в обнимку со мной.

— Ощущение, что ты, когда писала эту песню, думала явно о ком-то, кто может исполнить её еще лучше, не только голосом, но и в танце.

— Марго, этому тексту почти год. Угомонись со своими намеками.

— Какие уж тут намеки, ты, после того как этот текст написала, в приюте Демона взяла, и он конечно же, не напоминает никого с такой же ахуевшей мордой.

Элли покраснела. Трек она написала, когда Кайл на вечеринке подошел и приобняв сказал в ухо «Поздравляю, сеньорита». Она обошла его тогда в чартах, и да, он идеально подходил к тембру Кайла. Но она ужасалась мысли, что партию Билли могут отдать Фостеру. Петть с ним эту песню на одной сцене после того, что было...

Марго, будто прочитав её мысли, предложила:

— Может, тебе платье подлиннее попросить для этого номера? Это будет меньше смущать Билли.

Элли лишь пожала плечами.

— Кажется, ему это не поможет.

Прогон шёл тяжело. После трёх своих сольных треков — «Всё класс», «Левитирую» и «Сирена» — которые ей удалось вытянуть с нужной энергией, Элли переделалась в короткое красное платье для дуэта с Билли.

Парень стоял, нервно сжимая край рубашки, расстёгнутой на верхние пуговицы. Элли, вздохнув, подошла к нему.

— Билли, мы много репетировали. Тебе просто нужно спеть и не запутаться в ногах. Положи руку мне на талию и не бойся.

Он залился румянцем до ушей.

— У меня девушка есть...

Элли с трудом сдержала раздражение, вдохнув глубоко и шумно, чувствуя себя воспитателем в детском саду.

— Представь, что я — это она. Это не про нас, это про персонажей. Песня страстная. Представь, что это она тебе шепчет слова припева. Подумай об этом и расслабься. Большая часть хореографии всё равно на мне.

С краю зала раздался голос Майкла:

— Вы скоро там? Время!

— Билли, вдох-выдох. Не нервничай. Пошли.

Музыка заиграла. Билли пел хорошо до момента сближения, где Элли под его строки должна была опуститься в присяд вдоль его спины, а он — поднять её за плечи и прижать к себе спиной. Его дыхание сбивалось от нервов.

После нескольких прогонов на четвёртый раз всё прошло технически правильно, но даже Элли понимала: энергии не было. Химии — ноль. Она видела, как Майкл, сидящий в третьем ряду затемнённого зала, сделал пометку в блокноте.

После того как они допели Майкл встал и подошел к сцене:

— Билли, я понимаю, что это твой дебют, но тебе нужно быть серьезнее, она не съест тебя, тут все профи, у тебя есть еще неделя попытаться выбраться из своего кокона, либо твое первое крупное выступление будет отодвинуто на неопределенный срок.

Лицо Билли осунулось, он кивнул. Майкл всегда был прагматичен, а у Элли хватало и своих проблем, чтобы успокаивать новичков. Хотя ей было жаль парня, он старался.

Следующий трек был одним из свежих, быстро взлетевших в чартах — «Тёмная сторона». Элли танцевала со своим старшим танцором труппы — Джейсом. В черном платье с высоким разрезом, мало оставляющим для воображения, и сапогах на высоком каблуке, танец был агрессивным и манящим — она приглашала на свою тёмную сторону.

Она не знала, что в глубине зала, в темноте, за ней уже наблюдал Кайл. Он вернулся раньше, и узнав о прогоне, решил заглянуть. Особенно его интересовала «Тёмная сторона» — песня-призыв, песня-признание. Он видел эту её сторону тогда в самолете, в ней он и тонул.

Он смотрел, как ее руки скользят по собственному телу, как Джейс касается ее бедер в танце, как ее голос, низкий и проникновенный, зовёт в хаос. Кайл стоял, сжимая кулаки. Это работа, одёргивал он себя. Джейс танцует с ней уже больше четырёх лет. Но рациональные доводы разбивались о примитивную, дикую ревность. Её взгляд в зал был томным, обещающим, полным скрытого огня — того самого, который он видел когда она шептала «Еще...».

Он знал, что это часть шоу, но после того, что между ними произошло, каждый её жест, каждый взгляд воспринимался иначе — как напоминание, как продолжение того разговора, который они так и не закончили.

После прогона, выжатая досуха, Элли вышла на парковку одна. На ней были джинсы, чёрная водолазка и поверх неё — бежевый корсет со шнуровкой спереди и маленьким банти-

ком в районе груди. Она почти дошла до своей машины, когда из-за соседнего внедорожника вышел Кайл.

— Неплохо сегодня показала себя на прогоне, — сказал он. Голос был ровным, без привычной насмешки.

Она вздрогнула, но быстро взяла себя в руки.

— Спасибо.

Он окинул её внешний вид оценивающим взглядом, и в уголках его губ появилась знакомая ухмылка.

— Знаешь, ты похожа на подарок в этом наряде. А я люблю их распаковывать.

Он видел, как по её щеке разлился румянец, как она сжала губы. Без единого слова она резко дёрнула дверь своей машины, села внутрь и с силой захлопнула её, заглушив его тихий смех ревом двигателя.

В салоне, выезжая с парковки, она сквозь зубы прошипела:

— Придурок. Идиот.

Но в зеркале заднего вида она ещё секунду видела его силуэт — небрежный, уверенный, с руками в карманах и пристальным взглядом, провожающим её машину. Несмотря на усталость, на раздражение, на весь этот бардак в голове, где-то глубоко внутри, предательски и сладко, ёкнуло.

Глава 10. Снегопад

Элли сидела в кафе, без особого энтузиазма потягивая смузи, которое ей настоятельно вручила Марго. Та стала невыносимо настойчивой в вопросах питания, особенно пока они были в студии. Сегодня вечером должно было состояться собрание с Майклом по поводу клипа «Полночь». Черновой вариант, без постпродакшена, уже должен был быть смонтирован — судя по сообщению от Сэма пару часов назад. У Элли выдалась пара свободных часов на передышку и обед.

К её столику подошёл курьер студии.

— Для вас, мисс Рид, — сказал он, протягивая плотный конверт без опознавательных знаков.

Элли нахмурилась.

— Я не принимаю подозрительную корреспонденцию.

— Конверт передал агент мистера Фостера, — невозмутимо пояснил курьер. — И я не думаю, что внутреннюю корреспонденцию от проверенных людей можно назвать подозрительной.

Элли, неохотно согласившись с аргументом, взяла запечатанный пакет. Курьер кивнул и удалился.

Она вскрыла конверт. Внутри лежала записка и бумажный конверт поменьше. В верхнем углу записки — размашистая подпись «К.Ф.».

Текст был кратким: *«Я выполнил твои требования».*

«Какие требования?» — пронеслось у неё в голове, пока она открывала белый конверт. Внутри, аккуратно сложенная, лежала справка от венеролога с вчерашней датой, штампами частной клиники и жирным заключением: *«Здоров».*

Память услужливо подсказала ту самую колкую фразу с вечеринки: «Прикасаюсь ко мне будешь только тогда, когда принесешь справку от венеролога». Вспыхнув до кончиков ушей, Элли яростно начала рвать справку на самые мелкие кусочки. Бумажный «салют» взметнулся в воздух и медленно осыпался на её голову и стол, создавая впечатление внезапного снегопада посреди кафе.

— Фостер! — прошипела она сквозь зубы, а про себя мысленно добавила: *«Убью гада!»*

В этот самый момент Кайл с непринуждённой улыбкой проходил мимо кафе в компании Марка. Они как раз направлялись перекусить в сторону ресторана.

— Ого, — Марк кивнул на столик, за которым Элли яростно уничтожала что-то бумажное. — Сегодня она бесится больше, чем обычно, и мне показалось, или судя по движению губ, она твою фамилию прошипела?!

Кайл невозмутимо посмотрел на эту сцену.

— Я ей справку от венеролога передал. Как она когда-то просила. Помнишь, на той вечеринке?

Марк на секунду застыл, переваривая информацию.

— Что? Прости, что ты сделал?

— То, что услышал.

— Фостер, боже... — Марк внезапно фыркнул, потом сдавленно кхыкнул, и наконец громкий, неудержимый хохот вырвался наружу. — Я, конечно, знал, что ты тот ещё романтик, но это... — Он почти задыхался, держась за плечо друга. — А теперь прикинь: ты переспал с ней несколько дней назад и после этого присылаешь ей справку от венеролога. Будто ты проверялся после неё! Это гениально! Ты ей прямо намекаешь: *«Дорогая, я, конечно, здоров, но вдруг ты чем наградила?»*

Кайл хотел было возразить, что он имел в виду совсем другое — что он выполнил её старое, саркастичное условие, просто чтобы досадить, вернуть их в привычное русло подколов и уколов. Но, глядя на лицо друга и осознавая всю абсурдность и двусмысленность своего поступка именно сейчас, он лишь провёл рукой по лицу. *«Боже, я идиот. Полный идиот».*

Но он не мог оторвать глаз от Элли. Она не выглядела обиженной или униженной. Нет. Она была в ярости, той самой — яркой, живой, знакомой. Такие же искры летели из её глаз, когда они ссорились у барной стойки или обменивались колкостями на корпоративах. Бумажки, застрявшие в её светлых волосах, выглядели одновременно нелепо и мило.

Марк, всё ещё давясь от смеха, похлопал Кайла по спине.

— Молодец, друг. Десять из десяти. Запомнится ей надолго. Господи, ща лопну со смеху, честное слово...

Он, всё ещё похихикивая, направился дальше по коридору. Кайл же задержался, наблюдая, как Элли смахивала с себя остатки бумаги, щёки пылали, а взгляд метал молнии в поисках жертвы для своего гнева. Уголки его губ непроизвольно дрогнули.

Возможно, это была идиотская и двусмысленная попытка. Но она сработала. Она вернула ту искру, которую он так боялся потерять после всей этой истории. Он пошел за Марком, насистывая мотив своей песни: «Я готов следовать за тобой».

Вечернее собрание в кабинете Майкла, Элли ждала со смешанными чувствами. Она надела практичное черное платье-свитер до середины бедра с рукавами-фонариками, волосы

собрала в высокий хвост, на ногах — черные сапоги до колена. Образ был собранным, деловым, и она надеялась, что это поможет ей сохранить лицо перед Кайлом.

В кабинете продюсера пахло дорогим кофе и кожей. Майкл седой, энергичный мужчина лет пятидесяти, сидел за массивным столом, на экране его ноутбука был застывший кадр из клипа «Полночь». Кайл уже сидел в помещении, развалившись в кресле у окна, с видом человека, которому всё нипочем. Увидев Элли, он медленно провел по ней взглядом, и в его зеленых глазах мелькнуло что-то оценивающее, почти одобрительное. Элли проигнорировала его, заняв стул напротив Майкла.

И тут она заметила, как взгляд Кайла задержался у неё на голове, а уголки его губ дрогнули в сдерживаемой ухмылке. Она машинально потянулась к волосам — и нащупала несколько мелких бумажек, которые не заметила, смахивая «снегопад» в кафе. «Черт!» Она быстро стряхнула их, чувствуя, как жар стыда заливает щеки. Кайл, встретив её взгляд, тут же стал нарочито серьезным, но в его глазах всё ещё блеснул озорной огонь.

— Ну что, посмотрим, что у нас получилось, — сказал Майкл, нажимая кнопку пуска.

На экране поплыли кадры. Музыка «Полночи» заполнила кабинет. Элли смотрела, стараясь сохранять беспристрастное выражение лица, но внутри всё сжималось. Клип получился... мощным. Томные, медленные планы, её тело в полумраке, игра света и тени. И главное — эти моменты мужского присутствия, как и задумывалось. Отражение в зеркале, где мелькал знакомый профиль с черными волосами и острым взглядом. Тень на стене, падающая рядом с её силуэтом на кровать, когда она выгибалась в такт музыке. Его образ был призрачным, неуловимым, но узнаваемым ровно настолько, чтобы заставить зрителя затаить дыхание и строить догадки.

Особенно сильным был момент, где она стояла спиной к камере, глядя в ночное окно, а в отражении стекла, прямо за её плечом, появлялось лицо Кайла — такое же сосредоточенное, пронзительное, каким она видела его тогда, в самолёте. От этого кадра по коже побежали мурашки, и пульс предательски ускорился. Она не смела поднять глаза на Кайла, чувствуя, как её собственное дыхание становится чуть прерывистым.

Когда клип закончился, в кабинете повисла тишина.

— Ну? — спросил Майкл, глядя на них обоих.

— Вышло... атмосферно, — первой нашла слова Элли, стараясь, чтобы голос звучал ровно. Ей хотелось крикнуть, чтобы все эти кадры с его участием вырезали, но язык не поворачивался. Клип стал от этого только сильнее, опаснее, возбуждающе.

— Атмосферно? — Майкл усмехнулся. — Элли, это шедевр. Кадры, которые Сэм выложил в соцсети как тизеры, уже взорвали интернет. Ажиотаж небывалый. Руководство лейбла пересматривает всю промокампанию.

Он откинулся на спинку кресла и достал из ящика стола свой потрепанный блокнот.

— Что касается рабочих моментов. Элли, твой дуэт с Билли на «Сеньориту».

У Элли похолодело внутри. Она почувствовала, как Кайл напрягся, слушая.

— Вопросов к тебе нет, — продолжил Майкл. — Но мальчик не вытягивает напряжение. Химии ноль. Ты сама это видела на прогоне.

— И? — выдавила Элли, уже догадываясь, к чему он ведёт.

— И я даю ему неделю, — твёрдо сказал Майкл. — Если за семь дней он не соберётся и не выдаст то, что нужно, его заменят. Трек важен для сет-листа, он перекликается с нарративом «Полночи». Но нужен партнёр, который сможет этот дуэт вытянуть.

Элли нервно подняла взгляд на Кайла. Тот смотрел на Майкла, его лицо было непроницаемым, но в уголке рта играла та самая, едва уловимая усмешка.

Майкл, проследив за её взглядом, кивнул.

— Да, Кайл справится. Поэтому с завтрашнего дня он начнёт репетировать хореографию и вокал с тобой и Билли. Если за неделю Билли возьмёт себя в руки, его дебют на твоём концерте состоится. Если нет — мы заменяем его на Кайла.

Кайл медленно выдохнул, словно обдумывая слова.

— Он не выдержит, — наконец сказал Фостер. Голос был спокойным, почти деловым. — Тут нужны опыт и практика... — он запнулся, поняв, как это звучит, и поправился, — ...навыки, которых пока маловато. Он слишком нервничает из-за масштаба.

— А как тогда он собирается продвигаться дальше, если не может выйти с одной песней на большой сцене? — резонно парировал Майкл.

Элли вмешалась, стараясь звучать убедительно:

— Хорошо, я поняла. Буду репетировать по очереди с ними обоими.
Майкл кивнул.

— Да. Я рассчитываю, что, возможно, у Билли проснётся дух конкуренции.

— Или он и вовсе испугается его, — мрачно добавила Элли, кивнув в сторону Кайла.

— Если его пугает здоровая конкуренция, то ему нечего делать в этой индустрии, — парировал Кайл, глядя прямо на неё. — Ты сама это прекрасно знаешь, Рид.

Элли отвела глаза. «Он был прав, черт возьми».

— Через неделю будет финальный прогон, и его будет смотреть руководство лейбла, — подвёл черту Майкл. — Они захотят сравнить. И, Элли, готовься к тому, что, возможно, через четыре недели у вас с Кайлом будет совместный тур.

— Как понять? — Элли удивленно подняла брови. — Все билеты на мой тур уже проданы.

— Его концертная программа совпадает с твоей с разницей в день, поэтому лейбл думает немного совместить вашу программу — объяснил Майкл — сейчас ведутся переговоры с другими площадками, куда можно будет допродать билеты, — объяснил Майкл. — После выхода клипа «Полночь» ажиотаж будет колоссальный. И вам с Кайлом придётся дать пару совместных интервью, чтобы подогреть интерес ещё сильнее.

Элли слушала, и внутри у неё всё похолодело, а затем закипело смесью волнения и раздражения. Похоже, Фостера привязали к ней на ближайшее время. Надолго. Хорошо это или плохо — она пока не могла решить.

Когда они вышли из кабинета Майкла, в коридоре царила тишина. Элли быстрым шагом направилась к лифту, чувствуя, как Кайл неотступно следует за ней в нескольких шагах. Он нагнал её как раз у лифтовых дверей.

— Постой, — его голос прозвучал прямо у неё за спиной.

Она обернулась, готовая вылить на него всю накопившуюся ярость, но он молча протянул руку и аккуратно вытащил из её хвоста ещё одну, застрявшую бумажку от его «подарка».

— Остатки снегопада, — сказал он, держа клочок бумаги между пальцами. — Ты просила — я сделал.

Она фыркнула, нажимая кнопку вызова лифта.

— Знаешь, я думал, ты сегодня тоже придёшь в корсете, — продолжил он, его голос стал тише, интимнее. — Ждал с нетерпением.

Элли стояла, уставившись на медленно ползущий огонёк над дверью лифта, чувствуя, как её щёки вновь начинают гореть.

— Я тебя убью, Фостер, — сказала она без особой злобы, скорее с усталой обречённостью. — И меня оправдают.

— Сразу как только мы с тобой нормально поговорим, — парировал он. Лифт мягко звякнул, и двери разъехались. Элли шагнула внутрь.

— Нам не о чем говорить, — бросила она через плечо, нажимая кнопку первого этажа.

Но Кайл успел зайти следом. Двери закрылись, оставив их в тесном, зеркальном пространстве. Он развернулся и встал прямо перед ней, так близко, что она почувствовала знакомый запах его парфюма, смешанный с чем-то неуловимо опасным.

— Есть о чём, Рид, — сказал он тихо, но так, что каждое слово отдавалось эхом в тишине кабины. — Очень даже есть о чём.

Он протянул руку и нажал кнопку этажа, где находилась его личная гримёрка. Когда её пальцы потянулись к панели, чтобы отменить или добавить свой этаж, он перехватил её запястье. Не грубо, но твёрдо. Его пальцы были тёплыми, а прикосновение заставило её нервно дёрнуться.

— Ты получил, что хотел, — выдохнула она, не глядя на него, чувствуя, как по её руке под кожей бегут мурашки. — Так зачем усугублять?

Лифт плавно поехал вниз. Кайл не отпускал её запястье, но и не сжимал сильнее. Он смотрел на её профиль, на сжатые губы, которые выдавали внутреннее напряжение.

— Если честно, я не знаю, — сказал он на удивление искренне. — Но теперь возвращаться к прежнему... скучно, и неинтересно.

Он наблюдал за ней. Она не отпрянула, не вырвалась. Она стояла, будто вкопанная, и лишь бурно, почти осязаемо, буравила его взглядом, гневным и одновременно смущённым. В этом молчаливом противостоянии было больше напряжения, чем в любой их словесной перепалке. Его большой палец медленно провёл по её чувствительной внутренней стороне запястья, и она невольно вздрогнула.

Лифт мягко остановился, и двери открылись с тихим шипением. Кайл наконец отпустил её руку, но его взгляд по-прежнему держал её в плену. Он сделал шаг из лифта.

— Иди за мной, — бросил он через плечо, и в его голосе не было насмешки. Фостер был уверен, что Элли последует за ним.

Глава 11. Напряжение

Элизабет в последний момент остановила дверь лифта рукой. Ноги будто сами несли её за ним, так словно воля наконец сдалась под его давлением.

Он не оборачивался, не останавливался, уверенной, почти ленивой походкой двигаясь по пустому коридору в сторону своей личной гримёрки. Прямая спина, расслабленные плечи, казались одновременно вызовом и обещанием.

Элли ловила себя на мысли, что её шаги звучат невероятно громко в тишине пустого студийного коридора. Ей казалось, что каждый скрип паркета, каждый её прерывистый вдох разносятся эхом, что все, кто ещё остался в здании, знают, куда и за кем она идёт.

Мысли в голове бились, словно перепуганные птицы: *«Почему он так себя ведёт? Почему интерес не пропал? Это нестандартно для Фостера. Обычно ему достаточно одного раза, чтобы потерять интерес и двигаться дальше. Зачем я иду за ним? Черт. Черт. Черт».*

Кайл открыл гримерку ключом-картой и зашёл внутрь, не запирая дверь. Молчаливое приглашение, или ловушка.

Сердце стучало где-то в районе горла.

Элизабет замерла на пороге, вглядываясь в полумрак комнаты. Она чувствовала себя так, словно сама шла в клетку к голодному тигру, зная, что дверь захлопнется у неё за спиной.

Он стоял, оперевшись бёдрами о край гримёрного столика, заваленного флешками, и листами с текстами песен. Его улыбка сейчас была иной — не насмешливой, не надменной, она была почти хищной, лишённой привычной игры. Зелёные глаза, тёмные в тусклом свете, внимательно следили за ней, будто взвешивая каждый шаг, вздох, каждое микродвижение.

— Закрой дверь, — попросил он тихо, слова прозвучали как приказ, смягчённый лишь интонацией.

Он не приближался. Ему было интересно, насколько далеко она готова зайти сама, словно прощупывая границы.

«В эту игру могут играть двое» — подумала она про себя, чувствуя, как внутри закипает знакомое сопротивление. Уступать в таких мелочах она не хотела.

— Сам закрой, — её голос прозвучал твёрже, чем она ожидала. Она скрестила руки на груди и вскинула подбородок.

Уголок его рта дрогнул. Он, не спеша, оттолкнулся от стола и сделал несколько шагов в её сторону. Подойдя почти вплотную, нарушив её личное пространство с наглой уверенностью, которая была его визитной карточкой, он протянул руку мимо её плеча и толкнул дверь.

Замок щелкнул.

Звук был громким и окончательным в тишине комнаты.

От него пахло тем же парфюмом, что и в самолёте, смешанным с едва уловимым запахом сигарет и кофе.

Кайл наклонился к её уху, его дыхание коснулось кожи, вызвав мурашки.

— Интересно, в этот раз корсет спрятан под платьем? — прошептал он, и его низкий голос прокатился по её нервам, как электрический разряд.

Она покраснела, чувствуя, как жар разливается от щёк к шее. Чёрт возьми, он чувствовал её реакцию на него, словно играл на струнах её же собственного желания. Которое Элли до сих пор не научилась как следует приглушать, после того срыва.

Не давая ей опомниться, Фостер приблизился губами к её виску, не касаясь, но тепло его дыхания было осязаемым.

— Твои наряды... Тёплое платье, корсеты... От кого ты прячешься за этой броней, Рид? — Он отстранился, немного, чтобы взглянуть ей в глаза, а потом его взгляд скользнул вниз, к линии открытых ключиц, где уже прошли его следы. Лёгкая, почти незаметная досада уколола.

«Исчезло, жаль» — промелькнула мысль, которую он не озвучил

Она заставила себя выдохнуть, пытаясь вернуть контроль над дрожащим голосом.

— Я не прячусь.

Он улыбнулся. В его улыбке была какая-то странная, усталая убеждённость.

— Не ври, — проговорил он тихо. — Хотя бы себе.

— Зачем ты меня сюда позвал? — сменила тактику Элли, пытаясь перевести разговор в привычное для них русло, вернуть хотя бы каплю контроля. — Новые игры? Другой уровень, более изощрённый?

В ответ он медленно, не сводя с неё глаз, опустил руки ей на талию. Его ладони были тёплыми даже через плотную ткань свитера. Он притянул её ближе к себе, и она почувствовала лёгкое, исследующее давление его пальцев, прощупывающих ткань на её боках и спине. Кайл искал застёжки, шнуровку, ту самую «броню». Не обнаружив предполагаемого аксессуара — только мягкую кожу под тканью он замер, в его глазах мелькнуло что-то похожее на разочарование, смешанное с любопытством.

— Это не игра, Рид, — сказал он наконец, и его голос приобрёл неожиданную серьёзность. — Игры закончились там, в самолёте. Ты сама опрокинула доску.

Кайл просто держал её, не пытаясь притянуть сильнее, но его прикосновение было невероятно интенсивным. Элли ощущала каждую точку соприкосновения его ладоней с телом, чув-

ствовала, как её собственное дыхание сбивается, как она пытается взять под контроль то, что её обволакивает — его близость, его запах, его неотступный взгляд.

Он чувствовал её мягкое тело в своих руках, понимая, что под свитером, кроме белья, ничего нет. Но сейчас это было неинтересно. Тот образ в корсете, тот вызов в её глазах — он хотел его. Хотел снять с неё все слои защиты, лишиться опоры, которую она так тщательно выстраивала годами против него.

— И что ты хочешь? — выдохнула она, уже не в силах притворяться равнодушной.

— Хочу правды, — ответил он без колебаний. — Того самого голода, который видел в твоих глазах на съёмках и в самолете. Тогда я видел страсть, настоящую, и хочу видеть её снова, Рид. Без твоих ледяных масок, без этой... брони.

Он чуть плотнее прижал её к себе, и его большие пальцы начали медленно, почти гипнотически поглаживать её талию через ткань. Движения были настолько интимными, настолько целенаправленными, что у неё перехватило дыхание.

— Зачем? — прошептала она, чувствуя, как поддается этому ритму, теплу. — Почему ты просишь именно это?

— Потому что мне нравится, — он сделал паузу, продолжая свои движения, и его зелёные глаза потемнели. — Потому что это было... искренне.

Он почти приблизился губами к её губам. Она чувствовала его дыхание, видела тень ресниц на его скулах, ощущала исходящий от него жар. Всё её тело напряглось в ожидании, в немом, предательском согласии.

Быстро взяв над собой контроль, внезапно, он отпустил её талию и отступил на шаг.

Разрыв контакта был настолько неожиданным, что она буквально пошатнулась, ощутив физическую пустоту там, где только что было его тепло. Она выдохнула, словно не дышала всё это время, и смущённо поправила платье.

Кайл, не глядя на неё, развернулся, подошёл к двери и щёлкнул замком. Приоткрыв её, он обернулся. Его выражение снова стало привычным — уверенным, с лёгкой ухмылкой, но в глазах горела та же серьёзность.

— Завтра, после репетиции, вечером. Ты придёшь сюда, — заявил он, и в его голосе не было вопроса. — Хочу показать тебе, как действительно должна звучать «Сеньорита».

Фостер ухмыльнулся, оценивающе окинув её взглядом с ног до головы.

— Надень то, в чем ты была вчера, и приходи. Не придёшь... тогда пеняй на себя. Наши совместные репетиции теперь будут проходить каждый день. — Он сделал паузу, давая словам просочиться в её сознание. — Ты можешь убежать от меня, но от себя ты убежать не сможешь.

Кайл отступил, давая ей пространство. Элли, всё ещё чувствуя дрожь в коленях, сделала шаг за порог. Коридор показался ей невероятно ярким и пустым после полумрака его гримёрки.

— И, Рид, — его голос догнал её, заставив обернуться. Он стоял в дверном проёме, оперевшись о косяк, и его улыбка стала наглой, вызывающей. — Сегодня ночью... сними напряжение. Мне нужно, чтобы ты могла мыслить трезво и всё осознавать.

Он поймал её взгляд и подмигнул.

— До завтра, Рид. Я буду ждать.

Кайл слушал, как её шаги удалялись, и стоял за дверью, прижав ладонь к косяку. Сам был возбуждён не меньше — *«Чёрт, её реакция сводит с ума. Какого дьявола...»*

Он спал с большим количеством женщин, доводил их до оргазма, но в них было это тупое восхищение, желание угодить. Она же — нет. Он видел в её взгляде борьбу, это желание противостоять и одновременно — ту самую жажду, которая ощущалась почти физически. Невыносимо, интенсивно, слишком ярко.

Фостер взял из мини-бара бутылку ледяной воды и сделал несколько долгих глотков, стараясь привести мысли в порядок. *«Похоже, разрядка нужна не только ей»*. Если завтра он хочет пережить репетицию, не набросившись на неё прямо в танцевальном зале, стоило взять себя в руки.

Но мысли упрямо возвращались к тому, как она дрожала рядом с ним, как её голубые глаза сверкали смесью ярости и желания. И эти её наряды, эта броня, за которой она пряталась. Ему хотелось сорвать её всю, слой за слоем, добраться до той самой, настоящей Элизабет, которая осмелилась ответить ему в самолёте с такой дикой, необузданной страстью.

«Ладно, Фостер», — мысленно одёрнул он себя, поставив бутылку. — *«Завтра будет новый раунд. А сегодня... сегодня нужно выдохнуть»*.

Элли спустилась вниз, её уже ждала Марго в своей машине. Ассистентка, увидев странное, нечитаемое выражение лица Элли, когда та села в салон, сразу спросила:

— Что было у Майкла? Мне пришло новое расписание на почту: ты, Фостер К. и Джонс Б. завтра — сначала совместный вокал, потом хореография. Это нормально, что ты почти без перерыва будешь репетировать, сменяя одного и другого?

Элли, с силой вернувшись мыслями из гримёрки и медленно приходя в себя, сделала уставшее лицо.

— Майкла волнует результат промо, а не то, насколько я вымотаюсь.

— Он всегда смотрит через призму успеха и того, что скажут критики, — парировала Марго, плавно выезжая со студийной парковки. — Ему важна целостность и популярность шоу. Но он может и опереться на твоё мнение, ты знаешь. Если ты скажешь, что эта песня лишняя, её уберут.

Элли уткнулась лбом в прохладное стекло. День был утомительным не столько физически, сколько эмоционально. И это дурацкое возбуждение, которое словно электрическими импульсами расходилось по телу, не утихало. На талии, где он прикасался, кожа до сих пор горела.

— Нет, песня остаётся, — тихо ответила она. — Просто... нужно будет выложиться.

Марго бросила на неё быстрый взгляд.

— Ладно, не буду доставать. Ну хоть сегодня — без корсета, а то я думала ты вросла в него.

Элли лишь кивнула, закрыв глаза. Если бы Марго только знала...

Распроставшись с Марго и войдя домой, она, как всегда, встретила зелёные глаза из темноты прихожей. Демон сидел на полке для обуви, его шерсть сливалась с тенью, и только эти два изумрудных огонька сверлили её в упор.

— Привет, чертёнок, — устало улыбнулась она, скидывая туфли, и запуская пальцы меж его ушей для почасушек.

Демоном она назвала не только за то, что он был полностью чёрным. Пока он был котёнком, его ушки напоминали рожки, а шерсть, вечно стоящая дыбом от статики, создавала впечатление, будто он выбрался из ада — защищать её от других бесов. Сейчас, повзрослев и обнаглев, он вальяжно спрыгнул на пол и, изогнув хвост трубой, терся об её ноги.

Элли, накормив кота, взяла его на руки, уткнувшись носом в мягкую шерсть. Но даже тепло пушистого комка и его громкое мурлыканье не смогли унять напряжение, которое лишь нарастало, поднимаясь откуда-то из глубины. Мысли о завтрашней репетиции, о бачате с Кайлом, о необходимости выдавать нужные, страстные эмоции — всё это отозвалось учащённым сердцебиением и дрожью в коленях.

Она приняла долгий душ, стараясь смыть с себя остатки дня, его взгляд, его слова. Но они, словно въевшись под кожу, звучали в такт струям воды навязчивым мотивом: *«Сними напряжение»*.

«Сволочь!» — пронеслось в голове резко и унизительно. Он почти прямым текстом сказал ей, чем заниматься ночью. «Проклятый сукин сын». Но самое страшное было в том, что тело откликалось на эту мысль с постыдной готовностью.

Завернувшись в мягкий халат, она села на кровать и открыла тумбочку. Взгляд упал на аккуратно лежащие внутри «игрушки». Использовать одну из них сейчас казалось пошлым, особенно после того, что она пережила в реальности. Фантазии бледнели на фоне памяти о его руках, его дыхании и низком голосе, шепчущем: «*Я твоя реальность*».

Она поджала под себя ноги, смотря в тумбочку, и тихо прошептала в пустоту комнаты:

— Это какое-то безумие...

Демон, запрыгнувший на кровать, устроился рядом и уставился на неё своими гипнотизирующими глазами, будто понимая всё без слов.

Элли вздохнула, закрыла тумбочку и погасила свет. Лёжа в темноте, она чувствовала, как желание, тягучее и настойчивое, пульсирует в такт её сердцу. Слова Кайла эхом отдавались в голове: «Сними напряжение. Мне нужно, чтобы ты могла мыслить трезво..»

Глава 12. Конкуренция

День с утра не предвещал ничего хорошего. Проснувшись с тяжелой головой и непроходящим напряжением во всем теле, Элизабет поняла — сегодня будет сложно.

Марго, забравшая ее с порога с двумя стаканчиками кофе, сухо констатировала:

— Выглядишь как после боя с призраками. В чем дело, опять бессоница?

Элли лишь покачала головой, жадно отхлебывая латте. Кофе был горячим, согревающим, но не приносил желанного успокоения. Мысли цеплялись за вчерашний вечер, за его слова, за обещание показать как должна звучать «Сеньорита».

В студии звукозаписи Лео уже ждал их, настраивая микрофоны. Билли пришел раньше — бледный, с синяками под глазами. Он нервно переминался с ноги на ногу, едва кивнув Элли в знак приветствия.

— Билли, ты первый. Фостер будет слушать, как договорились с Майклом. — Лео уже готовился к запуску минусовки.

И, как по таймеру, дверь студии открылась, и вошел Кайл. Он был в черных джинсах и простой серой футболке, но выглядел так, будто только что сошел со страниц глянца — уверенный, свежий, собранный. Его зеленые глаза сразу нашли ее в помещении, скользнули по ее фигуре в свободных джинсах и оверсайз-худи, и в уголках губ дрогнула та самая, едва уловимая ухмылка. Он молча занял место за пультом рядом с Лео, откинулся на спинку кресла и скрестил руки на груди, всем видом показывая: *«Я здесь, чтобы судить»*.

Элли почувствовала, как под ее кожей пробежали мурашки. *«Соберись»*, приказала она себе. *«Это работа»*.

— Поехали, — сказал Лео, и зазвучали первые аккорды «Сеньориты».

Билли начал неплохо. Его голос был чистым, приятным, но в нем не хватало глубины, того самого томного бархата, которого требовала песня. Когда вступала Элли, она старалась выдать максимум — низкие, страстные ноты, легкую хрипотцу, которую обожали ее фанаты. Но внутри все было сковано. Она чувствовала взгляд Кайла на себе, ощущала его присутствие как физическое давление. Ее голос звучал профессионально, безупречно, но... безопасно. Как будто она пела для учителя пения, а не для невидимого любовника.

Лео остановил их на середине припева.

— Стоп. Билли, ты поешь «приземлился в Майами» так, будто приземлился в аптеку с рецептом. Расслабься. Дыши. Представь, что ты только что сошел с самолета, лето, жар, ты ищешь ее... Элли, ты тоже. Ты поешь «мне нравится, когда ты называешь меня сеньорита», а звучит как «мне нравится, когда ты передаешь мне соль». Вложи чувства. Это же песня о вожделении, о невозможности устоять.

Элли кивнула, украдкой взглянув на Кайла, он смотрел на нее, в глазах читалось сосредоточенное внимание. Он не дразнил, не подкалывал, он оценивал.

Следующие несколько дублей прошли чуть лучше. Билли краснел все больше, когда Элли пела строки о вкусе и поцелуях. Она видела, как по его щекам проступают красные пятна, и внутри у нее все сжималось от жалости и раздражения одновременно. *«Он ребенок. Совсем ребенок в этом мире».*

— Ладно, — наконец сказал Лео. — Билли, отдохни минут десять и послушай, как это должно звучать. Кайл, твоя очередь.

Билли, потный и смущенный, вышел из-за микрофона. Кайл поднялся, прошел в звукозаписывающую кабину и встал рядом с Элли. Он не смотрел на нее, поправляя настройку микрофона под свой рост. Его рука на секунду оказалась рядом, и Элли почувствовала исходящее от него тепло.

Лео запустил музыку снова.

Все изменилось.

Кайл начал свою партию: *«Приземлился в Майами...»* — его голос был низким, бархатым, наполненным влажной жарой тропической ночи. Он пел не в пространство, а прямо в ее сторону, его глаза были прикованы к ее профилю. В его исполнении звучала и усталость с дороги, и предвкушение, и та самая животная жажда, о которой говорил текст.

Когда вступала Элли, ее собственный голос наконец-то обрел нужный окрас. Он откликался на его вызов, становился выше, звонче, но при этом обретал ту самую «грязную» нотку страсти, которой не хватало с Билли. *«Мне нравится, когда ты называешь меня сеньорита...»* — она пела уже не абстрактному «ты», а ему, Кайлу. Его взгляд, полный одобрения, зажигал ее изнутри, заставляя забыть о студии, о Лео, о Билли, который наблюдал за ними из-за стекла с округлившимися глазами.

В дуэтных строчках их голоса сплетались идеально — ее легкое, воздушное сопрано и его томный баритон создавали ту самую химию, которую требовала песня. Когда они пели про убийственный поцелуй, Кайл сделал паузу, и в тишине прозвучал его тихий, почти незаметный выдох прямо в микрофон — звук, от которого по спине Элли побежали мурашки.

Лео не остановил их до самого конца. Когда последняя нота отзвучала, в студии на секунду повисла тишина. Звукорежиссер выдохнул, и на его обычно невозмутимом лице появилась улыбка.

— Вот это да. Вот, Билли, как это должно звучать. Чувствуешь разницу?

Билли, стоявший за стеклом, лишь молча кивнул. Разница была оглушительной, как между черно-белым эскизом и полотном, написанным мастером.

Кайл шагнул назад, оторвавшись от микрофона. Его взгляд скользнул по Элли, и в нем промелькнуло что-то теплое, почти гордое.

— Неплохо, Рид, — сказал он тихо, только для нее. — Намного лучше.

Она не ответила, лишь потянулась за бутылкой воды, чувствуя, как дрожат ее пальцы. Фостер вышел из кабины, и на его месте снова оказался Билли, выглядевший совершенно подавленным.

В перерыве, пока Элли в попытке перевести дух вышла за чашкой кофе, Кайл подошел к Билли. К ее удивлению, в его тоне не было насмешки.

— Слушай, парень, — начал Кайл, опираясь о стену рядом с ним. — Ты не плохо поешь. Голос у тебя есть, но ты зажат. Ты думаешь о том, как бы не облажаться, а нужно думать о песне. Представь, что это не она, — он кивнул в сторону Элли, — а та девушка, ради которой ты бы свернул горы, или которая тебя бесит, но ты от нее без ума. Вложи в это злость, страсть, отчаяние, что угодно, кроме страха.

Он говорил искренне, по-деловому. Элли наблюдала за этой сценой, допивая свой кофе. Фостер не хотел, чтобы Билли выступал с ней, это было очевидно. Но Кайл также понимал, какое это давление — быть брошенным на амбразуру между двумя гигантами индустрии, и пытался помочь.

Хореография оказалась еще одним испытанием. По наставлению Майкла, Билли и Кайл присутствовали одновременно, чтобы новичок «видел нужные эмоции и буквально ощущал конкуренцию». Зеркальный зал, залитый ярким светом, казался полем битвы.

Хореограф Инес, энергичная женщина с седыми, собранными в тугий пучок волосами, быстро обучила Кайла связкам. Он схватывал на лету, двигался с той же уверенностью, с какой пел. Элли помогала ему, корректируя положение рук и шаги. Их тела снова и снова сходились в танце — страстном, близком, полном намеков на то, о чем пелось в песне.

Из-за своего упрямства и нежелания подчиняться его совету «*снять напряжение*», Элли к середине тренировки уже горько пожалела об этом. Каждое его прикосновение отдавалось в теле горячим импульсом, заставляя кровь бежать быстрее. В одном из прогонов, когда ее пальцы впились в его плечи чуть сильнее, чем того требовала хореография, он наклонился к ее уху.

— Не стала расслабляться ночью? — прошептал он, и его голос был полным скрытого торжества.

Она лишь промолчала, поджав губы, чувствуя, как по щекам разливается жар.

Пока Элли репетировала с Кайлом, Инес работала с Билли. Она говорила с ним резко, но без злобы:

— Она твоя партнерша, а не звезда с другой планеты. Хватит смотреть на нее как кролик на удава. Не бойся допустить ошибку, тебя за это не убьют. Если ошибаешься — ошибайся так, словно это было задумано, зритель не знает хореографии.

Заметив, что Кайл в танце с Элли становится слишком властным, Инес окликнула его:

— Фостер, умерь пыл! Вы равные партнеры, и взгляд — снизь градус, а то даже мне неловко.

Инес обратилась к Элизабет:

— Элли, как всегда, безупречно технически, но не хватает... покорности в глазах. Ты танцуешь, а не убийство планируешь.

На этот комментарий Кайл громко хохотнул, что заставило Элли бросить на него уничтожающий взгляд.

В зале становилось душно. После часа изнурительных тренировок Элли, почувствовав, что с нее пот льет ручьями, скинула футболку, оставшись в черном спортивном топе. Она заметила, как взгляд Кайла на секунду прилип к оголенной линии ее талии, прежде чем он заставил себя отвести глаза.

Когда настала очередь ее танца с Билли, Кайл прислонился к стене и начал наблюдать. Его взгляд, тяжелый и не скрывающий оценки, буравил парня. Билли, чувствуя, начинал нервничать еще больше. Его руки дрожали, движения становились скованными. Элли боялась доверять ему свой вес в поддержках — казалось, он вот-вот ее уронит.

В перерыве она подошла к нему, подавая бутылку воды.

— Не обращай внимания на Фостера, — тихо сказала она, положив руку ему на плечо. — Мы с тобой репетировали много раз. Вживись, наконец, в роль. На концерте на тебя будут смотреть тысячи, а тут всего два человека, и те, коллеги.

Билли кивнул, глотая воду, но в его глазах читалась непроходящая паника.

Инес отвела парня в сторону и продолжила свою «терапию»:

— Думай о песне, Билли. О той роли, которую играешь. Не думай о Фостере, и о том, кто лучше, да, он лучше, но у него за плечами опыт. Майкл хочет, чтобы ты смотрел и учился. Поверь, учиться у таких, как они, бесценно. Сейчас ты должен полностью погрузиться, иначе эта индустрия тебя раздавит, а ты так и застрянешь на уровне просто хорошего певца на YouTube.

Казалось, до Билли начинало доходить. В его глазах, рядом с прежним страхом, вспыхнула решимость, смешанная с упрямой злостью. Когда они снова встали в пару с Элли, его движения стали чуть увереннее, хват — тверже.

— Вот это уже лучше, — констатировала Инес. — Не идеально, но лучше, чем страх.

После того как Элли отрепетировала свою партию с Билли, настала ее очередь с Кайлом. Музыка «Сеньориты» снова зазвучала в зале, и он затянул ее в танец с такой силой и концентрацией, что она забыла обо всем на свете, об Инес, о Билли, о зеркалах. Были только его руки, твердо ведущие, его тело, задающее ритм, и его взгляд, который говорил больше, чем все слова песни.

В момент сложной поддержки, где она должна была полностью отдаться, доверив ему свой вес. Внутренний страх, поселившийся в ней после неуверенных рук Билли, заставил мышцы напрячься в самый неподходящий миг.

— Просто доверься, — его шепот обжег ухо, горячий и влажный. — Я удержу тебя.

Элли расслабилась, позволила ему поднять ее, закружить и прижать к себе. Когда он опустил ее на пол, их дыхание сплелось воедино. На секунду взгляды встретились, и в его зеленых глазах она увидела нечто глубокое, почти неистовое.

После репетиции Элизабет едва держалась на ногах. Пока она танцевала с Кайлом, Билли отдыхал. Пока она работала с Билли, переводил дыхание Кайл. А она была в постоянном движении, постоянном переключении. Медленно сползая по прохладной стене в коридоре, Элли чувствовала, как ноет каждая мышца.

Кайл, уже переодетый в чистую футболку, подошел к ней, протягивая бутылку с водой.

— Пей. Выглядишь так, будто под отбойным молотком побывала, — сказал он, но в голосе не было привычной колкости.

Элли взяла бутылку, их пальцы ненадолго соприкоснулись.

— Спасибо, — прошептала она, откручивая крышку.

Он, чуть наклонившись тихо произнес:

— Сегодня, я буду ждать.

Выпрямившись Кайл бросил на нее долгий, многозначительный взгляд и ушел, оставив одну с бурлящими мыслями и телом, которое отозвалось на его слова предательской дрожью.

Через несколько минут к ней подошел Билли и присел рядом на корточки. Его лицо было серьезным.

— Простите, мисс Рид. Я... я сегодня совсем облажался.

— Билли, мы коллеги, поэтому просто Элли, давай начнем с этого, — устало улыбнулась она. — Эта работа, не самая простая, я понимаю. У тебя есть еще шесть дней до финального прогона. Ты справишься, если возьмешь себя в руки. У тебя ведь почти получилось на показе перед Майклом. Просто соберись, ладно?

Он кивнул, страх в его глазах наконец-то сменился решимостью.

— Спасибо вам, Элли, за все.

— Не за что, — она сделала глоток воды. — И, Билли, не думай о результате. Думай о песне.

Парень кивнул еще раз, поднялся и ушел, оставив ее одну в пустом коридоре, залитым уходящим солнцем. Элли закрыла глаза, прислонившись головой к стене и закусив губу. В ушах все еще звучала музыка «Сеньориты», смешиваясь с эхом его шепота: *«Сегодня, я буду ждать»*.

Глава 13. Подарок

В конце дня Элизабет стояла перед зеркалом в гримерке, оценивая свое отражение. Голубая водолазка, джинсы, кроссовки, а поверх водолазки она затягивала черный корсет, завязывая финальный бантик на груди. Вспомнила его слова: *«Ты похожа на подарок»*.

Она тряхнула головой, пытаясь отогнать наваждение. *«О чем он, черт возьми, думает? Что за новый вид извращения?»*

Элли прокрутила в голове, все ли она сделала. Марго она отпустила пораньше, попросив захватить покормить Демона, сославшись на то, что задержится на прогонах допоздна.

— Докатилась, вру подруге. Ради кого? Ради Фостера... — Мысли о его руках на репетиции, о его словах... — Проклятье, Элли... — простонала она в пустоту гримерки. — Ну почему именно он?

Она присела, обняв колени, пытаясь утихомирить дрожь. *«Нужно просто пойти и поставить его на место. Да, так и сделаю»*.

Накинув куртку и поправив хвост, она взяла сумку и вышла.

Шаги были уверенными, несмотря на усталость от физических и эмоциональных нагрузок. Элли старалась идти с прямой спиной, излучая уверенность, которой внутри не было. *«Надо было снять напряжение... Так точно было бы легче»*.

Рядом с его дверью она остановилась, сделала глубокий вдох и постучала.

Он открыл, пропуская ее внутрь. Чуть помедлив, она в три шага пересекла порог и встала посреди комнаты. Он был в серых спортивных штанах и черной футболке, выглядел расслабленным и слишком домашним для такой обстановки.

— Я пришла, — сказала Элли, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Он улыбнулся, закрывая дверь на замок:

— Мудрое решение. — Сделав паузу, добавил — Сними куртку, — Его тон не допускал возражений.

Элли поставила свою спортивную сумку на его столик и сняла куртку, небрежно закинув ее сверху.

Кайл пробежал по ней взглядом снизу вверх и встретился с ее глазами.

Она вскинула бровь:

— Что, нравится?

Он подошел ближе.

— Очень. Особенно... — он приблизил руку к шнуровке корсета — эти ленточки.

Кайл потянул сначала одну, затем другую завязку корсета. От шороха шнуровки по ткани Элизабет почти замерла. Звук был настолько пронизывающим и будоражающим, а ощущение ослабления корсета невольно заставило ее сделать глубокий вдох. Он словно освобождал ее, и, что странно, Элли ничуть не жалела о потере своей «брони».

— Кажется, дышать тебе стало легче... — произнес, откладывая корсет на столик.

Элизабет не могла не улыбнуться:

— Что за новые увлечения, Фостер?

Он, не торопясь с ответом, потянул ее за резинку волос, распуская белокурые локоны.

— Это не увлечения. Это простое удобство. Дышать. Чувствовать.

Кайл запустил свою руку ей в волосы, чуть массируя голову там, где шея переходит в затылок. Он смотрел, как жар поднимается к ее щекам, как закрываются глаза от удовольствия.

— Вот так... Просто чувствуй. Не думай ни о чем.

— Зачем? — почти срываясь на шепот, спросила она. — Зачем ты позвал меня сюда?

— Чтобы дать тебе то, что ты хочешь.

Фостер медленно потянул край водолазки, запуская руку под ткань. Ладонь была теплой, мягкой. От каждого касания по ее коже разбегались мурашки. Он поднимал водолазку, открывая живот, ребра, водил пальцами по спине. Его прикосновения заставляли ее таять в его руках.

— Когда ты честна в своих желаниях, ты другая, — сказал он, снимая с нее водолазку.

Прохладный воздух коснулся ее кожи, заставив легонько вздрогнуть, он потянул ее волосы назад мягко отклонив голову и накрыв своими губами.

Поцелуй был требовательным, контролирующим, заявляющим права. Рука с талии спустилась к бедрам, обхватила ягодицу, сжав. Элли, разомкнув губы и встретив его своим языком, позволила себе эту потерю контроля, мысленно осознавая: *«Поставить на место, как же. Я идиотка»*.

Руки сами потянулись к его шее, пальцы запутались в его волосах. Он, сделав шаг вместе с ней, прижал спиной к стене. Элли выдохнула от резкого контраста — холода стены и его горячего тела рядом.

Потянув его футболку, стягивая, Элизабет желала ощутить его кожу под своими ладонями. Кайл массировал ее грудь, затуманивая разум, от прикосновений. Элли хотела ускорить события, снять джинсы, которые казались в данный момент неудобными, сковывающими движения, потянулась к пуговице.

Он поймал ее руку и оторвавшись от губ, произнес:

— Я говорил, что люблю распаковывать подарки самостоятельно — Целуя, он мягко скользил губами вдоль ее тела, от ключиц к груди, задерживаясь на каждом соске, вызывая у нее сдавленные стоны, затем ниже, опустившись перед ней на колени. Он расстегнул ее джинсы и, потянув за них, снял вместе с бельем, помогая освободить ноги. Элли почувствовала себя невероятно уязвимой и в то же время — желанной.

Он прильнул губами к ее животу, оставляя горячие, влажные поцелуи, его руки твердо держали ее за бедра, не давая пошатнуться. Дыхание Элли участилось, стало прерывистым, внутри все сжималось в сладком, мучительном ожидании.

Внезапно, мысль грязная и дурманящая, ударила ей в голову, выравнивая дыхание. *«Раз уж я здесь, почему бы не воспользоваться этим по полной?»*. Она остановила его поцелуи, взяв его за подбородок и опустив взгляд.

— Мне нравится этот вид, — сказала она с дерзкой улыбкой, которой сводила с ума фанатов. — Ты на коленях, передо мной. — Она провела большим пальцем по его нижней губе, будто раздумывая. — Что планируешь дальше, Фостер?

Кайл, обескураженный такой ее реакцией, засмеялся.

— Вау, Рид. Ты умеешь удивлять. — Он провел рукой по ее бедру, спускаясь к колену, чуть сдавливая. — У тебя есть предложения? Или доверишься моей фантазии? — улыбка стала более опасной, а глаза потемнели. — Она у меня чертовски изобретательная после наших авиа-приключений.

— Покажи, — выдохнула она, и в ее голосе прозвучал вызов.

— Я не буду снисходительным, — ответил он, убирая ее руку и укладывая ее ладонь на стену рядом с ее бедром. — Особенно теперь.

Кайл дразнил ее, водя губами и языком близко, но не давая желаемого. Его фантазия оказалась более чем изобретательной, и совершенно лишенной той спешки, что была в самолете. Здесь, в тишине его личной гримерки, время будто растянулось, подчиняясь только ритму ее дыхания и его прикосновений.

Он, закинув ее ногу себе на плечо, целовал, обжигая кожу на внутренней поверхности бедра, другой рукой плотно фиксируя ее у стены. Элли, запрокинув голову, пальцами все крепче впивалась в его волосы. Предвкушение сжимало живот тугой пружиной.

Введя в нее сначала один, затем второй палец, он заставлял ее трепетать в его руках.

Чувствуя, как она приближается к краю, Кайл отступал, давая ей передышку. Она почти диктовала ему условия, говоря сквозь стиснутые зубы:

— Продолжай...

Каждый его уход был пыткой, каждое возвращение — блаженством. Он смотрел на ее лицо, на сжатые веки, на губы, прикушенные от наслаждения, и чувствовал, как его собственная кровь бешено стучит в висках.

— Проси, — прошептал он, отстраняясь снова.

— Не останавливайся, — вырвалось у нее, голос хриплый, лишенный привычной гордости.

— Не достаточно убедительно.

Она открыла глаза. Голубые, затуманенные желанием, полные капитуляции и вызова одновременно.

— Кайл. Пожалуйста.

И наконец, когда она уже почти готова была сдаться, он прикоснулся к ней губами там, где она ждала больше всего. Элли вскрикнула, он не останавливался, двигаясь с той же методичной, безжалостной точностью.

— Смотри на меня, — приказал он, отрываясь и поднимая взгляд.

Она с трудом опустила ресницы, встретившись с его взглядом. Зеленые глаза были почти черными от желания, и в них не было ни тени насмешки. Только концентрация и та самая животная, первобытная жажда, которую она видела лишь мельком раньше. Видеть это вблизи, пока он делает с ней это, было невыносимо интенсивно, унижительно, и чертовски возбуждающе.

Элизабет не смогла удержать его взгляд, когда волна накатила с такой силой, что ее тело выгнулось в немом крике. Он не отпускал, продлевая спазмы, пока она не ослабла, тяжело дыша, опираясь всем телом на стену.

Поднявшись, он притянул ее к себе, целуя так, будто хотел вобрать в себя вкус ее удовольствия. Она отвечала с той же яростью, кусая его нижнюю губу.

Сердце стучало где-то в ушах, но темное желание, что он пробудил, лишенное стыда, то, о чем она пела все это время, все еще тлело в ее разуме, горячее и настойчивое. Оторвавшись от его поцелуя, она стояла перед ним нагая, дыхание неровное, кожа пылала. Голубые глаза встретились с его зелеными, и в них вспыхнула незнакомая ему решимость — дерзкая, почти вызывающая.

— Настала твоя очередь, Фостер, — голос ее звучал низко, с легкой хрипотцой, но твердо. — Проверить мою теорию на практике.

Она перехватила инициативу. Ее ладонь скользнула по его груди, ощущая твердые мышцы, затем опустилась ниже, коснулась пояса брюк.

— Раздевайся. — Она скрестила руки на груди, и смотрела с ожиданием, приподняв бровь.

Кайл усмехнулся, один уголок рта дернулся. Ее смелость, эта внезапная перемена ролей, от тающей в его руках до отдающей приказы, зажигала в нем азартный, опасный интерес.

Он никогда не отдавал инициативу, всегда был тем, кто ведет, контролирует, диктует правила. Но сейчас, глядя на раскрасневшуюся Элизабет с легкой дрожью в руках, которая пыталась командовать, ему стало чертовски интересно, что будет дальше. Не сводя с нее глаз, стянул штаны вместе с боксерами. Одежда мягко шлепнулась на пол. Он стоял перед ней голый, уверенный, не скрывая своего возбуждения и любопытства.

Она окинула его медленным, оценивающим взглядом, и ее губы тронула едва уловимая, торжествующая улыбка. Слегка толкнув его рукой в грудь она приказала:

— Сядь.

Кайл отошел к дивану у стены и сел, развалившись. Его глаза неотрывно следили за каждым ее движением, горя немым вопросом и предвкушением.

Элизабет подошла плавно, как пантера, опустившись между его расставленных ног на колени. Она дотронулась до него, пальцы, теплые, чуть неуверенные от дрожи, но решительные обхватили его член у основания. Она медленно провела ладонью вверх, к чувствительной головке, изучая реакцию его тела, твердость в своей руке.

Он резко вдохнул, мускулы на животе напряглись.

— Какого черта ты творишь, Рид? — выдохнул он, голос был хриплым, лишенным привычной насмешливости. В нем звучало лишь чистое, не скрываемое напряжение.

Она не ответила. Вместо этого ее взгляд, полный какой-то темной жажды, скользнул с его лица вниз. Игнорируя его слова, она наклонилась.

Первое прикосновение ее губ было шокирующе нежным, почти исследующим. Она провела языком по чувствительному месту, заставив его сжаться всем телом и глухо выругаться. Пальцы его впились в обивку дивана.

Элли взяла его в рот глубже, все еще медленно, учась, но с упрямой решимостью, которая сводила с ума. Ее движения были неидеальными, иногда неловкими, но в этой неидеальности была дикая, невероятная искренность. Она не пыталась играть роль опытной соблазнительницы. Она просто делала то, что хотела, что диктовало ее собственное проснувшееся желание и вызов, брошенный им же.

Одной рукой она продолжала крепко держать его у основания, другой сжимала его бедро. Светлые волосы рассыпались по его ногам и ее собственным плечам, создавая интимный, золотистый занавес. Кайл не мог оторвать глаз, вид ее, преклонившей колени, с полуприкрытыми глазами, с губами, обхватившими его, был самым откровенным и невыносимо возбуждающим зрелищем, которое он когда-либо видел. И самое главное, это была она — Элизабет Рид, та, что годами дразнила своими песнями и ледяными взглядами, та, что в самолете отдалась яростно, и страстно. А сейчас... сейчас она взяла то, что хотела, сама, с дерзкой улыбкой и дрожью в руках.

Он закинул голову на спинку дивана, пытаясь контролировать дыхание, но это было почти невозможно. Каждое движение ее языка, каждое мягкое посасывание, каждый прерывистый вдох у его кожи сводили его с ума. Волна жара накатывала из глубины угрожающе быстрая.

— Элли... — его голос сорвался на низкий, сдавленный стон, больше предупреждение, чем наслаждение. — Стой... Иначе, это быстро закончится...

Она приостановилась, оторвавшись от него с влажным, соблазнительным звуком. Ее губы блестели, глаза сверкали в полумраке комнаты смесью торжества и чего-то еще — властного, голодного.

— А кто сказал, что я против? — прошептала она хрипло и, не дав ему опомниться, снова погрузилась на него, на этот раз с большей уверенностью, ускоряя ритм.

Кайл прошипел проклятие сквозь зубы. Контроль ускользал. Он резко схватил ее за плечи подняв и усадив на колени лицом к себе.

— Я сказал стой! — он опустил ладони на ее бедра, и посмотрев в ее глаза произнес, его тон стал мягче — не так, не сегодня.

Она взяла его руки и повела их по своему телу, от ребер к груди.

— Ты обещал показать как звучит Сеньорита, — прошептала она, переводя тему — Я хочу услышать.

Ее требование, прозвучало в полумраке гримерки как прямая, неоспоримая правда. В них не было просьбы, в них было требование равного партнерства, которое он сам же и спровоцировал.

Кайл на секунду замер, его глаза, расширившись от удивления, впились в нее. Он ожидал капитуляции, а получил шахматный ход, меняющий все поле игры.

— Ты чокнутая, Рид, — прошептал он, но в его голосе было только восхищение.

— Я хочу, чтобы ты спел ее для меня, — повторила Элли, чуть громче, не отводя взгляда. Ее пальцы сжали его запястья, прижимая ладони плотнее к своей груди, чтобы он чувствовал учащенный стук сердца. — Сейчас. Без камеры. Без зрителей. Только для меня.

Кайл медленно выдохнул. Затем уголки его губ дрогнули в той самой, опасной, соблазнительной усмешке, которую она и ненавидела, и жаждала.

— Хочешь услышать, как она звучит по-настоящему? — его голос стал низким, бархатным, тем самым, что заставлял содрогнуться тысячи поклонниц. — Тогда поймай ритм.

Он не стал петь сразу. Сначала он проговаривал текст, вплетая слова в пространство между их прерывистыми вдохами. Его губы коснулись ее уха.

«Приземлился в Майами...» — его шепот был жарким, как тот летний воздух из песни. *«Воздух был горячим... а твоя кожа — еще горячее».*

Он сместил ее на коленях, помогая ей занять нужное положение, и медленно, не спеша, вошел в нее. Элли вскрикнула, ее ногти впились ему в плечи, голова запрокинулась. Это было медленное, неумолимое погружение, заполняющее ее пустоту.

«И капельки пота...» — он начал двигать ее бедрами, задавая медленный, томный ритм. *«Стекали по моему телу... до того, как я узнал твое имя...»*

И вот тогда он запел. По-настоящему, не для микрофона, не для зала. Тихо, хрипло, только для нее, в такт каждому движению, каждому толчку. Его голос обволакивал ее, проникал глубже, чем его тело. Он пел про сапфировую луну и песок, а его руки скользили по ее спине, имитируя танец. Он пел про *«Текилу Санрайз»*, а его губы нашли ее шею, оставляя влажный, горячий след.

Элли потеряла дар речи. Она могла только чувствовать, вибрацию его грудной клетки, когда он брал низкие ноты. Чувствовать, как ее собственное тело отзывается на каждую фразу, каждый намек в тексте. Она двигалась на нем, следуя его ритму, уже не контролируя себя, полностью отдавшись волне.

Когда настала ее партия в песне, он не замолчал. Он приподнял ее подбородок, заставив встретить его взгляд, и продолжил петь ее строчки голосом низким и полным обещания.

«Мне нравится, когда ты называешь меня сеньорита... Хотела бы я притвориться, что ты мне не нужен...»

Это было сюрреалистично. Это была ее песня, ее слова, вырывающиеся из его губ и прожигающие насквозь. Она застонала, не в силах сдержаться, и ее стон влился в его пение, став частью мелодии.

«Но каждое твое прикосновение... это правда... О, мне нужно бежать...»

— Никуда ты не убежишь, — прервался он, хрипло прошептав. Его руки крепко держали Элли за бедра, направляя, помогая найти тот самый угол, от которого у нее помутнело в глазах. — Ты уже здесь. Со мной.

Элли ничего не могла ответить. Все мысли исчезли. Концентрируясь только на нем, от его голоса, до нарастающего внутри давления, сладкого и невыносимого. Она двигалась как в трансе, тело изгибалось дыхание срывалось на его губы в беспорядочных, влажных поцелуях.

Все приближалось к пику. Текст песни, его исполнение, каждое слово, казалось, было сплетено именно для этого момента, для этой близости. Когда он дошел до слов *«твои поцелуи убийственны»*, он захватил ее губы в яростный поцелуй, заглушив ее крик.

И тогда, за секунду до того, как все внутри сжалось, он оторвался от ее рта, и прошептал прямо в ее раскрытые, беззвучно кричащие губы:

— Признай, ты ждала этого, все эти годы.

Волна накрыла Элизабет с такой силой, что она не смогла бы солгать, даже если бы захотела. Ее тело содрогнулось в немом экстазе, она впилась в него, цепляясь, как утопающая, и выдохнула, захлебываясь:

— Да...

Это была капитуляция, перед правдой, которую она годами прятала даже от самой себя. Да, она ждала. Мечтала. Писала об этом песни. И теперь эта мечта, эта фантазия, была здесь, в его объятиях, и была в тысячу раз реальнее и ярче, чем все, что она могла вообразить.

Это признание, вырвавшееся в момент наивысшей уязвимости, стало для него тем самым сигналом. Контроль, который он так цепко держал, рассыпался в прах. С низким, сдавленным стоном он нашел свое завершение, прижимая ее к себе так сильно, почти до боли.

Тишина, наступившая потом, была оглушительной, наполненной лишь звуком их спонтанного, тяжелого дыхания и отдающимся в ушах гулом собственной крови. Кайл не отпускал, его руки все еще обнимали, его лоб уткнулся в ее плечо. Элли, безвольно обвившая его шею, чувствовала, как тело, еще минуту назад горевшее в огне, теперь медленно остывает, обмякшее и удовлетворенное.

Он первым нарушил тишину, его голос был хриплым, беззвучным шепотом у ее кожи.

— Никогда... — он сделал паузу, пытаясь отдышаться. — Никогда еще песня не звучала так... завершено.

Элли не ответила. Она не могла. Вся ее энергия, вся воля, казалось, ушли в тот самый пик. Она просто сидела на нем, чувствуя, как его тело медленно приходит в себя под ней.

Наконец он осторожно выскользнул из нее и помог опуститься рядом на диван. Она не сопротивлялась, позволив ему уложить ее голову себе на плечо. Его рука автоматически обвила ее талию, пальцы начали медленно водить по ее боку, бесцельно, почти неосознанно.

Они сидели так несколько минут, в тишине, нарушаемой только постепенно утихающим дыханием. Мысли Элли медленно возвращались, обрушиваясь на нее тяжелым, неудобным грузом. *«Что она наделала? Что это было? Не просто секс. Это было... признание. Соучастие»*. Она показала ему свое самое уязвимое место, ту самую жажду, которую годами носила в себе. И он не просто воспользовался этим — он ответил ей тем же.

— Я должна идти, — наконец прошептала она, но не сделала ни малейшей попытки сдвинуться с места.

— Зачем?

Она не нашла, что ответить. «Зачем? Домой? К пустой квартире и коту, который будет смотреть на нее своими всепонимающими зелеными глазами? В дом, где ее ждет только холодная постель и воспоминания об этом вечере?»

— Репетиция, — слабо выдохнула она.

— Утром, — сказал он, и в его голосе появилась твердая нота. — Сейчас ночь. И ты — здесь.

— Мне нужно ехать, — неуверенно встав, она подошла к своей одежде на полу.

— Я отвезу — Кайл понял, что сейчас нет смысла давить, ей нужно было пространство.

— Нет, я сама — быстро одевшись пытаясь сбежать, она повернулась у двери — начало в десять, не опаздывай.

Она выскочила за дверь не дав ему перебить или убедить ее подвезти. Кайл вздохнул и подойдя к своим брюкам, произнес:

— Как же я вляпался... — Фостер увидел на столе корсет, который она похоже забыла в спешке, провел по нему рукой ощущая скользкую ткань под пальцами — вляпался, по самые уши.

Элли медленно пошла к выходу, ее шаги эхом отдавались в тишине. Она чувствовала каждую мышцу, каждое место, где его руки оставили следы. В голове стоял гул.

Садясь в машину такси, в голове пронеслось: *«Что я наделала?»*. Но даже этот вопрос не вызывал привычной паники. Была только усталость и какое-то новое, знакомое чувство — не счастье, нет. Скорее, принятие.

Она назвала адрес и коснулась лбом стекла. Ночной Лос-Анджелес встретил ее огнями и пустотой. По дороге домой она пыталась разобраться в мыслях. Но мысли не шли. Были только ощущения — эхо его прикосновений, вкус его губ, звук его голоса.

Дома ее встретил Демон. Он сидел на полке с обувью, укоризненно глядя своими зелеными глазами, будто говоря: *«Опять задержалась»*.

— Да уж, чертенок, — прошептала она, беря его на руки. — Накосычила я по полной.

Кот фыркнул и уткнулся носом ей в шею, как бы утешая.

Элли, недолго потискав шерстяной комок, приняла душ, но не смогла смыть с себя ощущение его рук и взгляда. Лежа в постели, она смотрела в потолок.

Слова эхом звучали в голове: *«Ты ждала этого. Все эти годы»*.

И самое страшное было в том, что он был прав.

Элизабет ждала. Не его конкретно, а... этого. Этого безумия, этой потери контроля, этой животной страсти, но никогда не позволяла себе в жизни.

Алекс хотел тишины и спокойствия. А она... она рвалась в бурю. И Кайл Фостер был самой разрушительной, самой неистовой бурей, какую она могла представить.

Телефон на тумбочке вибрировал. Сообщение от Марго: *«Демона вечером покормила. Он снова пытался укусить меня за лодыжку. У тебя все в порядке, может тебя забрать?»*

Элли набрала ответ: *«Я уже дома, все ок. Спасибо. Спокойной».*

Она выключила свет и отложила телефон.

Завтра будет репетиция. Завтра она снова увидит его, и не знала, чего боится больше — того, что все повторится, или того, что он поведет себя так, будто ничего не было.

Глава 14. Ее история

Иногда в тишине, когда мир замирал и оставался лишь шелест листьев за окном да мерный храп Демона на подушке, Элизабет позволяла себе вернуться назад. Не в воспоминания, их она давно научилась запира́ть в темный чулан души, а в ощущения. В те редкие, хрупкие мгновения, когда она чувствовала себя не актрисой на сцене собственной жизни, а просто живым человеком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.